

Девушка из каюты № 10

Автор:

[Рут Уэйр](#)

Девушка из каюты № 10

Рут Уэйр

Психологический триллер (АСТ)

Роскошный круизный лайнер, плывущий к берегам Норвегии. Северное сияние. Идеальное путешествие.

Когда журналистке Ло Блэлок выпадает шанс совершить круиз, она хватается за эту возможность, чтобы написать отличный обзор и подняться по карьерной лестнице. Но все идет не так, как она запланировала...

Проснувшись ночью, Ло слышит странный звук, будто за борт выбросили тело. Выбежав на балкон, она видит кровь на стекле соседней каюты № 10 и вызывает охрану... Но записи показывают: никто не заходил в эту каюту, а все пассажиры на борту. Ло вынуждена признать, что, возможно, ошиблась – или оказалась в ловушке на одном лайнере с убийцей...

Рут Уэйр

Девушка из каюты № 10

Элеоноре, с любовью

© Ruth Ware, 2016

© Школа перевода В. Баканова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

В моем сне девушку под крики чаек уносило волнами далеко-далеко в холодные мрачные глубины Северного моря. От соленой воды глаза стали бесцветными и вылезли из орбит, бледная кожа сморщилась, одежда изорвалась о зазубренные камни и превратилась в лохмотья. Уцелели только длинные темные волосы; водорослями пронизывая воду, они цеплялись за ракушки и рыболовные сети; а потом их вынесло на берег – обмякший комок растрепавшейся веревки. Волны с шумом накатывали на покрытый галькой берег.

Я в ужасе проснулась. Не сразу поняла, где нахожусь и что шум в ушах – это вовсе не сон.

Темную комнату наполняла та же влажная дымка, что и во сне. Приподнявшись, я ощутила легкое дуновение на своей щеке. Кажется, звук шел из ванной.

Я слезла с кровати, чувствуя легкую дрожь. Дверь в душевую была закрыта, но когда я подошла ближе, шум стал нарастать, а вместе с ним участилось и мое сердцебиение. Собравшись с духом, я распахнула дверь. Шумела вода в душе. Я нащупала выключатель и, когда вспыхнул свет, увидела...

На запотевшем зеркале большими буквами было выведено:

ХВАТИТ КОПАТЬСЯ

Часть 1

Глава 1

Пятница, 18 сентября

Я поняла, что что-то не так, когда проснулась в темноте – кошка тыкала лапой в лицо. Видимо, я забыла закрыть кухонную дверь. Нечего было приходить домой пьяной.

– Отстань, – проворчала я.

Делайла мяукнула и боднула меня головой. Я попыталась зарыться лицом в подушку, но она все терлась о мое ухо, так что в итоге я перевернулась и беспощадно столкнула ее с кровати.

Кошка упала на пол с возмущенным мявом, а я натянула одеяло на голову, но все равно слышала, как она скребет дверь.

Дверь была закрыта.

Сердце вдруг заколотилось, и я резко встала. Делайла с радостным возгласом вспрыгнула на кровать. Я прижала ее к груди, стараясь утихомирить, и прислушалась.

Может, я и забыла закрыть кухонную дверь или просто толкнула ее, не захлопнув. Однако дверь спальни открывалась наружу – такая вот странная планировка в моей квартирке. Кошка никак не могла случайно ее закрыть. Это сделал кто-то другой.

Я замерла, прижимая к себе теплую, тяжело дышащую Делайлу, и снова прислушалась.

Ничего.

И тогда, чувствуя, как сразу стало легче, я вдруг поняла: наверное, когда я пришла, кошка пряталась под кроватью. Не помню, чтобы я закрывалась в спальне, но, видимо, так и было – я машинально захлопнула за собой дверь.

Честно говоря, я плохо помню, как добралась до дома. Голова заболела еще в метро, и теперь, когда паника немного отступила, у меня снова заныло в затылке. Seriously, хватит уже напиваться посреди недели. Раньше я легко справлялась с похмельем, но мне уже не двадцать лет.

Делайла стала беспокойно извиваться, впилась когтями мне в плечо, и я отпустила ее, а сама пока накинула халат. Потом снова поймала кошку, чтобы выгнать ее на кухню.

Я открыла дверь спальни и увидела мужчину.

Не спрашивайте, как он выглядел, я уже раз тридцать обсуждала это с полицейскими. «Не видели даже кожу на запястьях?» – все спрашивали меня они. Нет, нет и еще раз нет. На нем была толстовка с капюшоном, нос и рот закрывала бандана, а больше в темноте я ничего не разглядела. Кроме его рук.

На руках у него были латексные перчатки. Именно это и перепугало меня до смерти. Перчатки говорили: «Я знаю свое дело», «Я подготовился», «Мне нужны не только твои деньги».

Целую секунду мы смотрели друг на друга.

Тысячи мыслей пронеслись у меня в голове. Где, черт возьми, мой телефон? Зачем я вчера столько выпила? Будь я трезвой, то услышала бы, как он вошел. Господи, вот бы Джуда был сейчас со мной...

Но больше всего меня волновали перчатки. Так профессионально. Так хладнокровно.

Я не произнесла ни слова. Не сдвинулась с места. Просто стояла в своем распахнутом потертом халате и тряслась. Делайла вырвалась из рук – я и не сопротивлялась – и бросилась через коридор к кухне.

«Только не трогай меня, – подумала я. – Пожалуйста».

Господи, где же телефон?

Вдруг я увидела что-то в его руках. Моя сумочка – моя новая сумочка «Берберри», хотя эта деталь в тот момент не имела никакого значения. Важно было одно: мобильный в сумке.

У его глаз появились морщинки, будто он улыбался, и я почувствовала, как кровь отлила от головы и пальцев и собралась где-то в центре тела. Что бы меня ни ожидало, я была готова и к борьбе, и к бегству.

Он сделал шаг вперед.

– Нет... – Я хотела произнести это приказным тоном, однако голос звучал пискляво и дрожал от страха, так что получилось похоже на мольбу. – Не...

Я даже не договорила. Он захлопнул дверь прямо перед моим лицом, задев щеку.

Прижав руку к щеке, я стояла, оцепенев, не в силах ничего выговорить от шока и боли. Пальцы заledenели, но по лицу текло что-то теплое, и я не сразу поняла, что это кровь. На щеке был порез.

Мне хотелось забраться обратно в постель, засунуть голову под подушку и плакать, плакать. Но мерзкий голосок в голове все повторял: «Он еще там. Вдруг он вернется? Вдруг вернется за тобой?»

Из прихожей послышался шум, будто что-то упало, и меня парализовало от страха, хотя я думала, что он, наоборот, придаст мне сил. Не возвращайся. Не заходи сюда. Только в тот момент я поняла, что задерживала дыхание, и наконец сделала долгий и прерывистый выдох, а затем, очень медленно, протянула руку к двери.

Снаружи вновь раздался грохот – разбилось стекло, – и я, схватившись за ручку двери и уперевшись ногами в старые неровные половицы, приготовилась подпирать дверь изнутри. Я согнулась, прижав колени к груди, и, уткнувшись лицом в халат, чтобы заглушить всхлипы, слушала, как он обшаривает квартиру. Хоть бы Делайла выбежала в сад...

После долгого ожидания я наконец услышала, как открылась и закрылась входная дверь, однако все сидела на одном месте и плакала – не могла поверить, что он и правда ушел. Что он вернется и не причинит мне вреда. Пальцы онемели и затекли до боли.

Перед глазами все стояли эти крепкие руки в светлых латексных перчатках.

Не знаю, что было бы дальше. Может, я просидела бы в спальне всю ночь, не в силах сдвинуться с места, но вдруг услышала, как кошка мяукает и царапает дверь с той стороны.

– Делайла, – прохрипела я. – Боже, Делайла.

За дверью послышалось знакомое урчание, низкое и мощное, и проклятие развеялось.

Я убрала сведенные судорогой пальцы с дверной ручки, согнула их, чувствуя боль, затем выпрямилась и повернула ручку.

Но дверь не поддалась.

Вот черт.

Черт, черт, черт!

Я оказалась взаперти.

Глава 2

Выбраться из спальни удалось только через два часа. Домашнего телефона у меня не было – помощь не вызвать, – а на окнах решетки. Пытаясь вскрыть замок, я сломала лучшую пилку для ногтей, но наконец открыла дверь и рискнула высунуться в узкий коридор. Мое жилище – это кухня, спальня и крошечная ванная, так что отсюда, из комнаты, можно осмотреть почти всю

квартиру. И все равно, выбравшись, я проверила все помещения и даже заглянула в кладовку, где у меня стоит пылесос. Хотела убедиться, что грабитель действительно ушел.

С трясущимися руками я поднялась из своей подвальной квартирки к соседке. В голове гудело. Было часа четыре утра, она долго не открывала, и, барабанив в дверь, я то и дело оглядывалась – нет ли кого на темной улице. Наконец в глубине двухэтажной квартиры я услышала ворчание и тяжелые шаги миссис Джонсон. Она приоткрыла дверь – вид у нее был сонный и напуганный, – но, увидев на пороге меня, кутающуюся в халат, с кровью на руках и лице, тут же сняла с двери цепочку.

– Бог мой! Что случилось?

– Ко мне вломился грабитель.

Говорить было трудно. Меня затрясло – то ли от холода осенней ночи, то ли от потрясения, – а зубы застучали так сильно, что на мгновение я с ужасом представила, как они ломаются прямо во рту.

– Господи, у тебя кровь! – Миссис Джонсон с тревогой смотрела на меня. – Ну же, давай заходи.

Я прошла за ней в застеленную узорчатым ковром гостиную. Хотя комната была маленькой, темной и беспощадно жаркой, в ней я почувствовала себя в безопасности.

– Садись, садись сюда, – показала соседка на красный бархатистый диван, а сама, с трудом опустившись на колени, начала возиться с газовым камином. Раздался хлопок, вспыхнул огонь, и, когда миссис Джонсон, преодолевая боль, поднялась на ноги, в комнате стало еще жарче.

– Заварю тебе горячего чая.

– Что вы, миссис Джонсон, не надо. Позвольте...

Она решительно покачала головой:

– Справиться с потрясением поможет только чашка горячего сладкого чая.

Так что я села на диван, обхватив колени, а миссис Джонсон, погремев на кухоньке, вернулась с подносом, на котором стояли две чашки чая. Я взяла ту, что поближе, и сделала глоток. Поморщилась от прикосновения горячей чашки к порезу на руке. Чай был такой сладкий, что привкус крови во рту почти не чувствовался.

Миссис Джонсон не пила чай, а просто с беспокойством смотрела на меня.

– Он... – Ее голос дрогнул. – Он не тронул тебя?

Я поняла, что она имеет в виду, и покачала головой. Затем сделала еще один глоток обжигающего чая и только тогда смогла заговорить.

– Нет, он меня не тронул. Порез на щеке от того, что меня задело дверью. А руку я поранила, пытаюсь выбраться из комнаты. Он меня запер.

Перед глазами вдруг предстала картина того, как я воевала с замком с помощью ножниц и пилки для ногтей. Джуд всегда посмеивался над тем, что я вечно использую не те инструменты: не стоит вынимать пробку кончиком столового ножа или менять колесо велосипеда, пользуясь садовой лопаткой. В прошлые выходные он смеялся над моей попыткой починить насадку душа, заклеив ее изолентой, а потом полдня тщательно заделывал течь герметиком. Но Джуд уехал по делам, и мне не стоило сейчас о нем думать – расплачусь.

– Ох, бедняжка.

Я нервно сглотнула.

– Миссис Джонсон, спасибо за чай, но я хотела спросить, можно я от вас позвоню? Я не вызвала полицию, потому что он забрал мой мобильный.

– Конечно, конечно. Допивай, а телефон вон там. – Она показала на покрытый кружевной салфеткой придиванный столик, на котором стоял, пожалуй, единственный в Лондоне телефон с дисковым набором. Таких не осталось нигде, кроме, может, антикварной лавки в Ислингтоне.

Я послушно допила чай и сняла трубку. Палец потянулся к цифре «9», но я со вздохом убрала руку. Чем мне помогут в «911», если грабитель уже ушел? Срочная помощь мне теперь не требуется.

Вместо службы спасения я набрала «101» – номер для неэкстренных случаев. Пока соединяли, я думала о том, что у меня нет страховки, что я не установила замок повышенной прочности и что сегодня все вообще пошло кувырком.

Об этом же я продолжала думать и несколько часов спустя, когда дежурный слесарь менял паршивый замок на входной двери на качественный врезной, а я выслушивала его лекцию по поводу безопасности жилья и задней двери в моей квартире, которая, по его словам, была лишь пародией на дверь.

– Тоненькая ДВП, да и только. Такую, дорогуша, любой может вышибить. Показать?

– Нет, – поспешила отказаться я. – Спасибо, не стоит. Я вызову мастера. Вы ведь дверьми не занимаетесь?

– Не-а, но можете обратиться к одному моему другу. Я оставлю тогда его номер, а пока пусть ваш муженек прибьет поверх панели плотную восемнадцатимиллиметровую фанеру. Вы же не хотите, чтобы к вам опять вломились?

– Не хочу.

– Приятель из полиции говорит, что четверть всех грабежей – это повторный взлом. Те же самые воришки возвращаются, чтобы еще немного разжиться.

– Супер, – процедила я.

– Восемнадцатимиллиметровую, не забудьте. Записать где-нибудь для вашего мужа?

– Нет, спасибо. Я не замужем. – И хотя я женщина, я вполне способна запомнить двузначное число.

– А-а, понял. Ну, вот видите, – сказал слесарь, – дверная коробка тоже никуда не годится. Укрепить бы ее, иначе выбьют точно так же, даже с самым лучшим замком. У меня в фургоне как раз есть что надо. Знаете, чем укрепляют замки?

– В общих чертах, – устало ответила я. Очевидно, слесарь хотел вытянуть из меня побольше денег, но в тот момент мне было все равно.

– Давайте так. – Он поднялся и убрал стамеску в задний карман. – Если поставим вам усилитель замка, то я бесплатно укреплю заднюю дверь. В фургоне есть фанера подходящих размеров. Не унывайте. В эту дверь он точно больше не зайдет.

Как ни странно, его слова меня не успокоили.

Когда слесарь ушел, я сделала себе чай и походила взад-вперед по квартире. Прямо как Делайла после того случая, когда сквозь кошачью дверцу сюда пробрался чужой кот и нагадил в коридоре. Бедняжка часами бродила по комнатам, терлась о мебель и писала по углам, показывая, что она здесь хозяйка.

Писать на кровать я, конечно, не стала, но тоже чувствовала, что на мою территорию посягнул чужак, что я должна вернуть себе свое.

«“Посягнул”? – с сарказмом переспросил внутренний голос. – Боже, только давай без истерик».

Но вторжение и правда ощущалось. Теперь моя квартирка запятнана – прощай, безопасная жизнь. Даже рассказывать о случившемся полиции было мучительно: да, я видела злоумышленника, нет, я не могу его описать. Что было в сумке? Да так, вся моя жизнь: деньги, мобильный телефон, водительские права, лекарства и остальные полезные штуки, включая тушь для ресниц и проездной.

Резкий и бесстрастный тон оператора, который принимал звонок, до сих пор звучал у меня в голове.

– Телефон какой модели?

– Ничего особенного, старый айфон, – устало ответила я.

– Спасибо. Если назовете конкретную модель и серийный номер, это нам поможет. Еще вы упомянули лекарства – могу я спросить, какие именно препараты?

– Какое вам дело до моих болезней? – насторожилась я.

– Просто некоторые таблетки ценятся на черном рынке, – терпеливо пояснил он, чем еще больше меня разозлил.

Я понимала, что нет смысла злиться на оператора – он ведь просто делал свою работу. Хотя преступление совершил грабитель, почему мне кажется, будто допрашивают меня?

С кружкой чая я пошла в гостиную, когда вдруг забарабанили в дверь. Громкий звук эхом прокатился в тишине квартиры, и от неожиданности я споткнулась и замерла.

Вспомнилось пугающее лицо, скрытое капюшоном, и руки в латексных перчатках.

Снова раздался стук в дверь, и только тогда я заметила, что осколки кружки лежат на плиточном полу в коридоре, а под ногами хлупает быстро остывающая жидкость.

В дверь опять постучали.

– Сейчас! – гневно крикнула я, готовая расплакаться. – Уже иду! Хватить барабанить!

– Прошу прощения, – сказал полицейский, когда я наконец открыла. – Думал, вы не услышали. – Увидев лужу на полу и осколки кружки, он добавил: – Боже! У вас тут что, побывал еще один грабитель?.. Шутка!

Когда полицейский составил отчет, уже перевалило за полдень. После его ухода я села за ноутбук – его грабитель не взял, потому что компьютер был в спальне. На нем хранилась не только моя работа – в основном без резервных копий, – но и все мои пароли. Я с ужасом взглянула на файл, который услужливо назвала «Банковские данные». Там было практически все, кроме пин-кодов.

Папку «Входящие», как всегда, завалило письмами, однако я заметила только одно, в заголовке которого было написано: «Ты куда пропала?;)». Совсем забыла позвонить на работу.

Можно было ответить по электронной почте, но я достала из чайной коробки двадцать фунтов, которые хранила на случай, если срочно понадобится такси, и пошла к сомнительному магазинчику у метро. Там продавались дешевые телефоны, и я выторговала у парня простенький мобильный без абонентской платы и сим-карту за пятнадцать фунтов, после чего зашла в кафе напротив и позвонила Джен, помощнику редактора отдела, которая в офисе «Вело?сити» сидела напротив меня.

Мой рассказ вышел куда веселее, чем все было на самом деле. Я подробно остановилась на том, как ковырялась в замке пилочкой, и ни словом не обмолвилась ни о перчатках, ни о пугающем чувстве беспомощности, ни о преследующих меня ужасающе отчетливых воспоминаниях.

– Охренеть! – Сквозь помехи на линии я слышала ужас в голосе Джен. – Как ты там после такого?

– Более-менее. Сегодня не приду, надо прибраться в квартире. – Хотя особого беспорядка он после себя не оставил. Потрясающе аккуратный тип – ну, для грабителя.

– Господи... Слушай, Ло, найти тебе замену на это «Северное сияние»?

Я с трудом сообразила, о чем она. Роскошная «Аврора Бореалис»[1 - От лат. *Aurora borealis* – северное сияние. – Здесь и далее примеч. пер.] – это элитный лайнер, совершающий круиз по норвежским фьордам; каким-то невероятным образом мне удалось достать журналистский пропуск на первое плавание.

Настоящая привилегия. Хотя я работаю в журнале о путешествиях, обычно я только и делаю, что копирую-вставляю пресс-релизы и помогаю Роуэн, моей начальнице, с поиском снимков для статей, которые она присылает с роскошного отдыха из разных стран. В этот круиз тоже должна была отправиться Роуэн. Увы, помешала беременность – видимо, все дело в постоянной тошноте. И вот полный обязанностей и возможностей вояж свалился мне на голову. Роуэн проявила доверие, обратившись ко мне, когда могла оказать любезность более опытным коллегам. Если все пройдет успешно, то это будет большим плюсом в мою пользу при выборе сотрудника на подмену Роуэн на время декрета, и, как знать, может, я наконец получу повышение, которое мне обещают уже несколько лет.

И ехать нужно в эти выходные. В воскресенье, если точнее. Через два дня.

– Нет, – ответила я и сама поразилась тому, как решительно прозвучал мой голос. – Нет, мне не нужна замена. Я поеду.

– Точно? А паспорт не украли?

– Нет, он у меня в спальне. – И слава богу.

– Точно-точно поедешь? – переспросила Джен с тревогой в голосе. – Это серьезное дело – не только для тебя, но и для журнала. Если ты не настроена, то лучше выбрать кого-то...

– Я настроена. – Я не собиралась упускать такую возможность, потому что других, похоже, не предвиделось. – Правда, Джен. Я очень хочу поехать.

– Ладно... – будто нехотя сказала она. – Что ж, тогда – полный вперед! Утром прислали пресс-пакет, я передам тебе его с курьером – и билеты на поезд. Где-то тут еще были заметки Роуэн. Думаю, самое главное – расписать все прелести корабля, потому что она хочет заполучить эту компанию в качестве рекламодателей. Да и среди приглашенных должно быть немало интересных персон, так что, если сможешь добавить пару слов о них, будет еще лучше.

– Конечно. – Я взяла ручку со стойки в кафе и записала все необходимое на салфетке. – Напомни, во сколько отправление?

– Поезд с вокзала Кингс-Кросс уходит в десять тридцать, а все остальное найдешь в пресс-пакете.

– Отлично. Спасибо тебе, Джен.

– Не за что. – В ее голосе слышалась грусть. Может, и Джен претендовала на поездку? – Удачи тебе, Ло. Пока.

Когда я потащилась домой, начало темнеть. Ноги устали, щека болела, и мне хотелось поскорее забраться в горячую ванну.

У входа в мою подвальную квартиру, как всегда, царил полумрак. Давно надо повесить здесь сенсорный фонарь – смогу хоть ключи разглядеть в сумке, – но сейчас даже в темноте было видно, как растрескалось дерево вокруг выбитого замка. И как я его не услышала? «Ну а чего ты ожидала? – ответил противный внутренний голос. – Ты же была пьяная».

Лязгнул новый врезной замок – на вид очень надежный, – я зашла в квартиру и закрылась изнутри. Сбросила обувь и устало поплелась по коридору к ванной, пустила воду, пытаюсь подавить зевоту, и уселась на унитаз, чтобы снять колготки. Начала расстегивать кофточку... и замерла.

Обычно я не закрываюсь, когда принимаю ванну, ведь, кроме меня и Делайлы, тут никого нет, да и стены сыреют – все-таки подвальный этаж. К тому же я плохо переношу замкнутые пространства, а с опущенными жалюзи ванная кажется очень маленькой. Хотя входная дверь была заперта, а замок укреплен, я все равно проверила окно, закрылась в ванной и только потом полностью разделась.

Я устала. Господи, как же я устала. Я представила, как засыпаю в ванне, как вода льется через край, а неделю спустя Джуд находит мое раздутое тело... и потрясла головой, чтобы избавиться от глупых мыслей. Хватит уже драматизировать. В этой крошечной ванне я еле изворачиваюсь, чтобы помыть голову, так что утонуть в ней никак не получится.

От горячей воды порез на щеке защипало, и я закрыла глаза, пытаюсь представить, что нахожусь не в этом тесном помещении, а в каком-нибудь другом месте, подальше от мерзкого Лондона, по которому разгуливают преступники. Может, брожу по скандинавскому побережью и меня успокаивает звук волн... кажется, Балтийского моря? Журналисту, который пишет о путешествиях, явно надо подтянуть географию.

И все равно на ум приходили неприятные воспоминания. Как слесарь говорит, что «четверть всех грабежей – это повторный взлом». Как я, съездившись, упираюсь ногами в пол собственной спальни. Как сквозь светлые латексные перчатки виднеются темные волоски на крепких руках...

Черт. Черт.

Я открыла глаза, но стало еще хуже. Отсыревшие стены ванной будто сдвигались, сжимая меня внутри...

«Чувствуешь, да? Опять крыша поехала», – съязвил мой внутренний голос.

Заткнись. Заткнись, заткнись, заткнись. Я зажмурилась и начала медленно считать. Один. Два. Три. Вдох. Четыре. Пять. Шесть. Выдох. Один. Два. Три. Вдох. Четыре. Пять. Шесть. Выдох.

Наконец я справилась, однако находиться в ванной теперь было неприятно, захотелось поскорее выбраться из этой душной комнатки. Я встала, завернулась в полотенце, другим обернула волосы и пошла в спальню – ноутбук все так же лежал на кровати.

Я открыла браузер и набрала в «Гугле»: «Каков процент повторных краж».

Появились результаты. Я кликнула первую попавшуюся ссылку, пробежала статью глазами и остановилась на абзаце, который начинался словами: «Когда грабители возвращаются...» Дальше было написано: «Согласно общебританскому исследованию, от 25 до 50 процентов случаев взлома – повторные, а около 25–35 процентов потерпевших снова становятся жертвами грабителей. По данным полиции Британии, 28–51 процент повторных краж совершается в течение месяца после первого взлома, 11–25 процентов – в течение недели».

Ну, отлично. Значит, мой пессимистично настроенный слесарь не накручивал меня, а даже преуменьшил цифры, хотя в голове не укладывалось, как при 50 процентах повторных краж только 35 процентов жертв снова становились потерпевшими. В любом случае стать одной из них мне не хотелось.

Проверив входную дверь, заднюю дверь, окна и еще раз входную дверь – а потом, может, и в третий раз – и поставив телефон на зарядку, я заварила себе ромашковый чай.

Я отнесла чай в спальню, где меня уже ждали ноутбук, пресс-файл для поездки и упаковка шоколадного диетического печенья. Было только восемь вечера, а я ничего не ела, но вдруг поняла, что у меня нет сил не то что готовить, а даже заказать еду на дом. Я открыла пресс-пакет по скандинавскому круизу и, закутавшись в одеяло, стала ждать, когда придет сон.

Сон никак не приходил. Я умяла всю упаковку печенья и просмотрела материалы по «Авроре», полные фактов и цифр. Десять кают, оборудованных по высшему уровню... вмещают не более двадцати пассажиров... строго отобранный персонал из лучших отелей и ресторанов мира... Даже технические характеристики водоизмещения и тоннажа судна не усыпили меня. Я бодрствовала – разбитая, но на взводе.

Я лежала, съежившись в коконе из одеяла, и старалась не вспоминать о взломщике. Заставляла себя думать о работе, о всех делах, которые надо решить до воскресенья. Зайти за новыми банковскими картами. Собрать вещи и собрать побольше информации о круизе. Увидимся ли мы с Джудом до моего отъезда? Он ведь будет звонить на мой старый номер.

Я отложила пресс-пакет и открыла электронную почту. Напечатала «Привет, любимый», остановилась и начала покусывать ноготь. Что же написать? Только не про ограбление. Пока не надо, иначе его замучает мысль о том, что он далеко, когда нужен мне. Поэтому я продолжила так: «Я потеряла телефон. Долгая история, расскажу при встрече. Если захочешь связаться, лучше пиши мне на электронную почту. Во сколько ты примерно возвращаешься в воскресенье? Я рано утром выезжаю в порт Халл, на этот скандинавский круиз. Надеюсь, успеем увидеться до моего отъезда, а если нет, тогда до следующих выходных, хорошо? Целую, Ло».

Я отправила письмо в надежде, что Джуд не удивится, почему я не сплю в час ночи, и выключила компьютер. Взяла книгу – думала, почитаю, пока не усну. Не помогло.

В половине четвертого я нетвердой походкой добралась до кухни, достала бутылку джина и сделала крепчайший джин-тоник, который только могла выпить. Проглотила, как микстуру, вздрогнула от резкого привкуса и налила еще. Выпила вторую порцию, уже медленнее. Чувствовалось, как жжет внутри, как расслабляются мышцы, успокаиваются нервы.

Я вылила остатки джина в стакан и вместе с ним вернулась в спальню. Тревога и оцепенение не отпускали, и, не сводя глаз со светящегося дисплея часов, я ждала, когда подействует алкоголь.

Один. Два. Три. Вдох. Четыре... Пять...Пя...

Видимо, я все же уснула. Вроде бы только что с больной головой смотрела затуманенным взглядом на часы – сейчас цифра сменится и они покажут 4.44 – и вот уже я открываю глаза и вижу пушистую морду Делайлы, которая тыкается в меня носом и сообщает, что пора завтракать. Я недовольно застонала. Голова болела еще сильнее, чем вчера, и теперь непонятно, по какой причине – то ли от пореза на щеке, то ли от очередного похмелья. Недопитый джин-тоник стоял на прикроватном столике рядом с часами. Я понюхала стакан и едва не задохнулась. Джина в нем явно раза в два больше, чем тоника.

Часы показывали 6.04, значит, я не проспала и полутора часов, но раз проснулась, надо вставать. Я отдернула штору – за окном занимался серый рассвет, тонкие лучи солнца падали на мое окно. День казался холодным и мрачным; я засунула ноги в тапочки и, поеживаясь, вышла в коридор к термостату, чтобы отключить автоматический таймер и нагреть квартиру.

В субботу на работе меня не ждали, зато большая часть дня ушла на то, чтобы привязать мой старый номер к новому мобильному и получить перевыпущенные банковские карты, так что к вечеру меня переполняла усталость.

Так же ужасно я чувствовала себя, когда возвращалась из Таиланда через Лос-Анджелес – за несколько ночных рейсов я ни разу не поспала и была полностью дезориентирована. Где-то над Атлантикой я поняла, что превысила все пределы бессонницы и пора бы уже сдаться. Добравшись до дома, я рухнула в кровать с ощущением, будто я прыгаю головой вперед в колодец, и забылась сном на двадцать два часа, а проснулась от грохота. Это Джуд барабанил в дверь стопкой воскресных газет. Ноги затекли, и я с трудом вышла из спальни, чтобы открыть ему.

Но на этот раз кровать меня не спасет.

Нельзя упускать возможность проявить себя после десяти лет рутинной журналистики в духе «вырезать-вставить» – другой такой может и не представиться. Я должна справиться с заданием, должна показать, что я, как и Роуэн, умею заводить знакомства, сплетничать и продвигать наш журнал в кругу успешных людей. А лорд Буллмер, владелец «Авроры Бореалис», очень успешный человек. Хотя бы один процент его трат на рекламу, не говоря уже об упоминании имен, известных в сфере путешествий, и фотографии личностей, которые наверняка приглашены на первое плавание «Авроры», помогли бы «Велосити» без проблем продержаться на плаву несколько месяцев.

Я не собиралась навязываться Буллмеру за обеденным столом, но если я сумею узнать номер его телефона и буду уверена, что он возьмет трубку, когда я позвоню... это точно поможет мне получить долгожданное повышение.

На ужин я разогрела замороженную пиццу и машинально запихивала ее в себя, пока не объелась, а затем продолжила читать материалы из пресс-пакета. Слова и картинки плыли перед глазами, одно описание сливалось с другим. Элитный... великолепный... роскошный... сделанный вручную... высшего класса...

Зевнув, я отложила листок и посмотрела на часы – было уже девять. Слава богу, можно ложиться спать. Проверив и перепроверив двери и все замки, я нашла в моем разбитом состоянии кое-что позитивное. Прошлая ночь не повторится, ведь я так устала, что сейчас усну крепким сном. Если грабитель все же вернется, то я все просплю.

В 22.47 я поняла, что ошибалась.

В 23.23 я глупо расплакалась, как слабачка.

Я что, больше никогда не смогу заснуть?

Мне нужно поспать. Обязательно. За последние три дня... В уме сложить не получилось, посчитала на пальцах. За последние три дня я спала меньше четырех часов.

Я практически ощущала сон на вкус. Чувствовала его где-то рядом, но не могла схватить. Надо поспать. Надо. Если не посплю, то сойду с ума.

На глаза навернулись слезы – даже не знаю, от чего именно. От чувства безысходности? От злости – на себя, на грабителя? Или просто от усталости?

Знала я только одно – что не могу уснуть и что сон маячил где-то рядом, терзая, как несдержанное обещание. Я словно гналась за исчезающим миражом, и чем отчаяннее я бежала, тем быстрее он от меня удалялся. Или как будто я пыталась поймать рыбу, но та все выскальзывала из моих рук.

Господи, как же я хочу поспать...

Делайла испуганно повернула ко мне голову. Я и правда сказала это вслух? Сама не знаю. Боже, у меня поехала крыша.

Перед глазами мелькнуло чье-то лицо – ясные глаза, блестящие в темноте.

Я встала, сердце заколотилось так, что его стук отдавал где-то в затылке.

Пошатываясь от изнеможения, будто в трансе, я засунула ноги в обувь, а руки – в рукава пальто, прямо поверх пижамы. Взяла сумку. Надо пройтись. Куда-нибудь. Куда угодно.

Если этот чертов сон не приходит, я сама его найду.

Не считая желтоватых островков света от фонарей, улицы были серыми и мрачными. Холодный ветер швырял под ноги разбросанные бумаги, в водостоках шуршали листья и мусор. Мне, тридцатидвухлетней женщине, среди ночи разгуливающей в пижаме, должно было быть страшно. Но в квартире было куда опаснее. Там никто не услышит мой крик о помощи.

Я не строила определенный маршрут, просто собиралась бродить по улицам, пока не устану. Где-то в районе станции «Хайбери-энд-Айлингтон» я поняла, что идет дождь, причем идет уже давно, и я вся промокла. В обуви хлюпало, мой изможденный и оцепеневший разум пытался придумать какой-то план, а ноги практически сами повели меня дальше – но не в сторону дома, а на юг, к району Энджел.

Я не осознавала, что иду туда, пока не оказалась на месте. Пока не добралась до подъезда его дома. Я изумленно смотрела на панель звонков, где рядом с номером квартиры он аккуратно подписал свою фамилию: Льюис.

Дома его не было. Он уехал по работе и вернется только завтра. Зато в кармане пальто у меня лежали запасные ключи, и идти обратно домой я была не в состоянии. «Можно вызвать такси, – ехидно заворчал внутренний голос. – Тебя ведь пугает не долгая дорога. Трусишка».

Я потрясла головой, обрызгав каплями дождя металлическую панель звонков, и стала искать в связке ключ от подъезда. Затем открыла дверь и нырнула в общий коридор, окутавший меня тягостной духотой.

Я поднялась на второй этаж и осторожно зашла в квартиру.

Непроглядная темнота. Все двери закрыты, а в холле не было окон.

– Джуд? – позвала я. Его самого дома точно не было, но Джуд мог вполне разрешить переночевать здесь кому-нибудь из приятелей; не хотелось перепугать беднягу до смерти посреди ночи. Уж я-то знала, каково это. – Джуд, это я, Ло.

Никто не откликнулся. В квартире стояла полная тишина, не раздавалось ни звука. Я открыла дверь слева, которая вела в кухню-столовую, и на цыпочках прошла туда, не включая света. Просто стащила с себя мокрую одежду – пальто, пижаму и все остальное – и бросила в раковину.

Затем я голышом прошла в спальню, где на широкую двуспальную кровать Джуда падал лунный свет, а серые простыни были смяты, как будто он только что здесь лежал.

Я забралась на самую середину кровати и почувствовала мягкость простыней, на которых постоянно спят, а еще его аромат – запах пота, лосьона после бритья и просто самого Джуда.

Я закрыла глаза.

Один. Два...

Накатила волна сна.

Меня разбудил женский крик и ощущение, будто кто-то давит сверху и крепко держит за руки, хотя я пытаюсь выбраться...

Кто-то схватил меня за запястье, кто-то очень сильный.

Ослепленная ужасом, я в кромешной темноте попыталась найти что-нибудь, чем можно ударить, и свободной рукой нащупала прикроватную лампу.

Чужая рука накрыла мне рот, не давая дышать, давил вес тела, но я изо всех сил замахнулась лампой и ударила его по голове.

Послышался крик боли, и сквозь пелену страха донесся голос:

– Ло, это я! Господи, хватит, это же я!

Что?

О боже.

Руки тряслись так сильно, что, попытавшись нащупать выключатель, я лишь что-то столкнула.

Одновременно с тяжелым дыханием Джуда слышался какой-то пугающий булькающий звук. Да где же эта чертова лампа? Ах да, я ведь заехала ей Джуду по лицу.

Я вылезла из постели и нетвердой походкой добралась до выключателя у двери. Комнату залило беспощадно ярким светом десятка галогенных лампочек, в котором просматривалась каждая деталь развернувшегося здесь ужаса.

Джуд съежился на кровати, зажав лицо руками, по подбородку и груди текла кровь.

– Господи, Джуд! – Я бросилась к нему. Все еще трясущимися руками я вытащила из коробки несколько салфеток. Он прижал их к лицу. – Боже, что случилось? Кто кричал?

– Ты! – простонал он. Салфетки быстро пропитались кровью.

– Как это? – Меня по-прежнему переполнял адреналин. Я растерянно осмотрела комнату, но ни женщины, ни нападавшего в ней не было. – Ты о чем?

– Я вернулся домой, – невозмогая боль, ответил Джуд. Сейчас его бруклинский акцент был едва слышен. – Ты закричала во сне, я попытался тебя разбудить и... вот.

– Черт. – Я зажала рот руками. – Прости меня.

Я так отчетливо слышала крик... Неужели это правда была я?

Джуд осторожно убрал руки от лица. В комке пропитавшейся кровью салфетки я увидела что-то маленькое и белое. Только взглянув на лицо Джуда, я поняла, что это выбитый зуб.

– О господи.

– «С приездом» называется, – сказал он и замолчал.

– Прости. – На глаза навернулись слезы, однако плакать перед таксистом я не хотела, поэтому шумно сглотнула, чтобы избавиться от мучительного ощущения. – Слышишь?

Джуд ничего не ответил, он молча смотрел в окно на тусклый рассвет. Мы два часа прождали в приемном отделении «Скорой помощи». В итоге ему лишь наложили швы на губу и направили к дежурному стоматологу, а тот засунул зуб обратно и посоветовал надеяться на лучшее. Как я поняла, если зуб приживется, его можно будет сохранить. Если нет, придется ставить мост или зубной имплант. Джуд устало закрыл глаза, и у меня внутри все сжалось от чувства вины.

– Прости, – с отчаянием повторила я. – Не знаю, что еще сказать.

– Нет, это ты меня прости, – утомленно произнес он. Анестезия еще не прошла, и с онемевшей губой говорить ему было трудно, поэтому получилось «прости», словно он изображал пьяного Шона Коннери.

– Тебя? За что?

– Не знаю. За то, что облажался. Что не был рядом.

– Ты про ограбление?

– Да, – кивнул Джуд. – Хотя не только. За все те дни, когда я оставляю тебя одну. Поменьше бы этих командировок.

Положив голову ему на плечо, я прислушивалась к ровному, медленному стуку его сердца, такому неспешному по сравнению с моим, которое колотилось от тревоги. Под курткой на Джуде была заляпанная кровью футболка, потертая ткань мягко касалась моей щеки. Я глубоко вдохнула, чувствуя его запах, и мне стало спокойнее.

– Ты бы ничего не смог сделать, – сказала я, уткнувшись ему в грудь.

Джуда покачал головой:

– Все равно прости, что оставил тебя.

Когда мы расплатились с таксистом и медленно поднялись на второй этаж к квартире Джуда, начало светать. Я посмотрела на часы: почти шесть. Черт, уже через несколько часов мне надо сесть на поезд, чтобы успеть в порт.

В спальне Джуд разделся, и мы вместе повалились на кровать. Он притянул меня к себе и, закрыв глаза, уткнулся в мои волосы. От усталости я почти ничего не соображала, но, вместо того чтобы поспать, забралась на Джуда сверху, стала целовать его шею, живот, полоску темных волос, ведущую вниз.

– Ло... – простонал он и попытался притянуть меня поближе, чтобы поцеловать.

Я покачала головой:

– Молчи. Лежи смирно.

Джуд откинулся на подушку, бледные рассветные лучи, просачиваясь сквозь шторы, падали на его шею.

Мы не виделись восемь дней. И не увидимся еще неделю. Если не заняться этим сейчас...

Лежа в объятиях Джуда, я ждала, когда выровняется мое дыхание и успокоится сердце. Я прижималась щекой к его лицу и почувствовала, как он улыбается.

– Вот это я понимаю, – сказал Джуд.

– Что?

– Сразу бы так меня встретила.

Я вздрогнула, и он коснулся моего лица.

– Ло, милая, я просто шучу.

– Знаю.

После этого мы оба надолго замолчали. Я думала, что Джуд засыпает, и тоже закрыла глаза, поддаваясь чувству усталости, но он вдруг сделал глубокий вдох – грудь поднялась, мышцы в руке напряглись.

– Ло, я не хочу снова спрашивать...

Джуд не договорил, но я и так знала, что он имел в виду. То, о чем он сказал мне на Новый год, – что, по его мнению, нам нужно двигаться дальше. Жить вместе.

– Я подумаю, – наконец произнесла я, и в моем голосе послышалась непривычная покорность.

– Ты мне это уже говорила.

– Я все еще думаю.

– Ну а я уже решил. – Джуд дотронулся до моего подбородка, осторожно повернул мою голову к себе. Я посмотрела ему в глаза, и внутри у меня все перевернулось. – Ло, хватит избегать этой темы. Ты же видишь, я терпеливо жду, но мне начинает казаться, что мы совсем по-разному смотрим на наши отношения.

Внутри все затрепетало от знакомого тревожного ощущения, вызванного то ли надеждой, то ли ужасом.

– «По-разному смотрим на наши отношения»? – выдавила я улыбку. – Ты что, опять смотрел шоу Опри?

Джуд отвернулся, словно отдалившись от меня. Я нервно прикусила губу.

– Джуд...

– Нет, – сказал он. – Нет, и все. Я думал поговорить о нас, однако тебе этого явно не хочется, так что... Слушай, я очень устал. Уже почти утро. Давай спать.

– Джуд, – повторила я умоляющим тоном. Меня бесила собственная стервозность, бесило, что он довел меня до этого.

– Нет, – устало выдавил он, уткнувшись в подушку. Я думала, что он отказывается говорить на эту тему, но Джуд продолжил: – Мне предложили работу в Нью-Йорке, а я отказался. Ради тебя.

Вот черт.

Глава 4

Через несколько часов из глубокого, будто в дурмане, сна меня вытащил будильник.

Не знаю, долго ли он звенел, но я точно проснулась не сразу. Голова болела, и я немного полежала, приходя в себя, и только потом выключила будильник, чтобы он не разбудил Джуда.

Я протерла глаза, потянулась, чтобы размять затекшую шею и плечи, вылезла из кровати и пошла на кухню. Пока варился кофе, я приняла лекарства и поискала в аптечке в ванной какое-нибудь обезболивающее. Нашла ибупрофен и парацетамол и еще какой-то пластиковый флакончик коричневого цвета – Джуду выписали это средство, когда он вывихнул колено на футболе. Я сняла с флакона защитную крышку от детей и посмотрела на таблетки внутри. Огромные, наполовину красные, наполовину белые, выглядят серьезно.

В общем, я струсилась и вместо этого взяла две таблетки из упаковки ибупрофена и одну – быстродействующего парацетамола. Запила их глотком кофе – черного,

молока в пустом холодильнике не нашлось – и, потягивая оставшийся в кружке напиток, думала о прошлой ночи, о моих глупых поступках, о том, что сказал Джуд...

Он меня поразил. Нет, даже не поразил, а шокировал. Мы никогда не говорили о его долгосрочных планах, но я знала, как он скучает по своим друзьям в Штатах, по маме и младшему брату, с которыми я даже не знакома. И его решение... Так будет лучше для него? Или для нас?

В кофеварке осталось еще полчашки кофе, я вылила его в другую чашку и осторожно отнесла в спальню.

Джуд растянулся поперек кровати, словно и упал на постель в этой позе. В кино люди выглядят во сне очень умиротворенно – только не Джуд. Разбитые губы были прикрыты закинутой вверх рукой, а если прибавить к этому заостренный нос и нахмуренные брови, то он становился похож на сердитого ястреба, которого подстрелили в полете.

Я аккуратно поставила чашку на прикроватный столик и прилегла на подушку рядом с ним, поцеловала в затылок, теплый и невероятно мягкий.

Джуд шевельнулся во сне, приобнял меня своей длинной загорелой рукой и открыл глаза. Обычно они были орехового цвета, но сейчас казались намного темнее.

– Доброе утро, – прошептала я.

– Доброе.

Он сморщился от зевка, а потом притянул меня к себе. Я отпрянула, думая о предстоящем пути – сначала до вокзала, там на поезд, затем на такси до порта Халл, – однако тело словно растаяло, и я свернулась рядом. Мы лежали, глядя друг другу в глаза, и я осторожно коснулась пластыря на его губе.

– Как думаешь, зуб приживется?

– Не знаю. Надеюсь, ведь в понедельник мне лететь в Москву, не хочется терять там время на стоматологов.

Я промолчала. Джуд закрыл глаза и потянулся, хрустнули суставы. Он перекатился на бок и нежно накрыл рукой мою грудь.

– Джуд... – В моем голосе слышалось и желание, и раздражение.

– Что?

– Не могу. Мне пора.

– Так иди.

– Не надо. Прекрати.

– «Не надо, прекрати»? Или «не надо прекращать»? – криво улыбнулся он.

– И то и другое. Ты знаешь, о чем я. – Я поднялась и покачала головой, о чем сразу же пожалела. Было больно.

– Как щека? – спросил Джуд.

– Нормально. – Я дотронулась до нее рукой. Опухшая, но уже не так сильно.

Джуд с тревогой посмотрел на меня и коснулся припухшей щеки. Я, сама того не желая, отпрянула.

– Не надо было мне уезжать, – сказал он.

– Ну а ты уехал, – бросила я. Вышло куда резче, чем хотелось. – Тебяечно нет рядом.

Он приподнялся на локтях и удивленно посмотрел на меня – еще сонный, на лице следы от подушки.

– Какого...

– Ты меня слышал. – Знаю, в моих словах было мало разумного, но они все равно вырвались наружу. – Какое у нас будущее, Джуд? Даже если я перееду сюда, что дальше? Буду сидеть и ждать тебя, как Пенелопа Одиссея, и поддерживать огонь в семейном очаге, пока ты пьешь скотч в каком-нибудь русском баре вместе с другими зарубежными корреспондентами?

– Ты чего?

Я покачала головой, слезла с кровати и стала натягивать одежду, которую раскидала по полу спальни, когда мы вернулись из больницы.

– Просто устала. – Это еще мягко сказано. За последние три ночи я спала часа два, не больше. – Знаешь, к чему все идет? Нам трудно даже вдвоем, и я точно не хочу стать женой, которая сидит дома и воспитывает ребенка, пытаюсь справиться с послеродовой депрессией, пока ты сидишь под обстрелом в самых адских точках Северного полушария.

– Судя по недавним событиям, опасности посерьезнее поджидают меня даже в собственной квартире. – Заметив мою реакцию, Джуд поспешил добавить: – Прости, дурацкая шутка. Я знаю, что это вышло случайно.

Я накинула на плечи пальто, которое еще не просохло, и взяла свою сумку.

– Пока, Джуд.

– Пока? В каком смысле «пока»?

– В каком хочешь.

– Я хочу, чтобы ты перестала устраивать сцены и переехала ко мне. Я люблю тебя, Ло!

Его слова поразили меня. Я остановилась в дверях, усталость, будто висевшая грузом на шее, тянула меня вниз.

Руки в латексных перчатках, смех...

– Ло? – неуверенно позвал меня Джуд.

– Я не могу, – отвернувшись, ответила я. Не знаю, что именно я имела в виду: не могу уйти, не могу остаться, не могу вести этот разговор, эту жизнь... – Просто... мне пора идти.

– Значит, все зря? – В его голосе послышались сердитые нотки. – Хочешь сказать, я зря отказался от той работы?

– Я тебя об этом не просила. – Мой голос дрожал. – Не просила, так что не вини меня. – Я повесила сумку на плечо и направилась к выходу.

Он ничего не сказал. Не попытался меня остановить. Я вышла из квартиры, пошатываясь, точно пьяная. Только оказавшись в метро, я поняла, что сейчас произошло.

Глава 5

Мне нравится атмосфера порта. Нравятся запахи смолы и морского воздуха, крики чаек. Может, все дело в ежегодных летних поездках на пароме во Францию? В гавани в отличие от аэропорта я ощущаю свободу. Аэропорт ассоциируется с работой, проверкой багажа и задержкой рейса. А порт... даже не знаю, нечто совершенно другое. Бегство, что ли.

В поезде я старалась не думать о Джуде и отвлечься мыслями о предстоящей поездке. Ричард Буллмер ненамного старше меня, но до его послужного списка мне бесконечно далеко. Я чуть не расплакалась, прочитав, сколько предприятий он возглавлял за свою карьеру – с каждым начинанием он поднимался на ступеньку выше, приумножая свой доход и влияние.

Я открыла статью в «Википедии», и на экране телефона появилась фотография: красивый смуглый мужчина с черными-пречерными волосами под руку с ослепительной блондинкой лет двадцати восьми. Под снимком была подпись:

«Ричард Буллмер с супругой Анне Лингстад, наследницей семейства Лингстад, на их свадьбе. Город Ставангер, Норвегия».

По титулу лорда можно было подумать, что Буллмеру поднесли его состояние прямо на блюдечке, но, если верить «Википедии», я поторопилась с выводами. Сначала все шло как надо: частная подготовительная школа, Итон и Баллиол-колледж в Оксфорде. Однако, когда он учился на первом курсе университета, умер его отец – непонятно, что стало с матерью, ее не упоминали – и родовое имя ушло на оплату долгов и налога на наследство. В девятнадцать лет Буллмер лишился дома и остался один.

Уже одно то, что после случившегося он сумел закончить Оксфорд, можно считать настоящим достижением, но это еще не все. На третьем курсе Буллмер запустил свой интернет-проект, и продажа доли его акций в 2003 году стала первым среди последовавших успехов. Теперь Буллмер был владельцем элитного круизного лайнера на десять кают, рассчитанного на желающих отдохнуть в роскоши и полюбоваться скандинавским побережьем. «На нашем лайнере вы можете устроить свадьбу своей мечты, потрясающее корпоративное мероприятие, которое немедленно завоюет расположение клиентов, или просто провести незабываемый семейный отдых в эксклюзивной обстановке», – прочитала я в одном из материалов пресс-пакета, а затем открыла план каютной палубы.

Четыре большие многокомнатные каюты расположились на носу корабля; остальные шесть, поменьше, – отдельно полукругом на корме. Каюты были пронумерованы: по одну сторону центрального прохода четные, по другую – нечетные; каюта № 1 находилась на самом носу, а каюты № 9 и 10 на изогнутой корме примыкали друг к другу. Я предполагала, что окажусь в каюте поменьше – большие наверняка зарезервированы для важных особ. На плане не была указана площадь кают, и, вспомнив о тесных комнатках без окон на пароме через Ла-Манш, я нахмурилась. Не хотелось бы провести в подобном помещении целых пять дней... Впрочем, на таком лайнере даже небольшие каюты должны быть просторными, так ведь?

Я перевернула страницу, надеясь увидеть фотографии кают и успокоиться, однако на снимке увидела невероятный ассортимент скандинавских деликатесов, разложенных на белой скатерти. Шеф-повар «Авроры» наверняка работал в каком-нибудь экспериментальном местечке, вроде ресторана «Нома» в Копенгагене или «Эль Булли» в Каталонии.

Я зевнула и потерла глаза: вновь навалились усталость и тяжесть событий прошлой ночи. Невольно вспомнила выражение разбитого лица Джуда, когда я уходила. Я даже не знаю, что именно произошло. Мы расстались? Я его бросила? Я пыталась мысленно проиграть заново наш с ним разговор, но каждый раз мой утомленный мозг вставлял фразы, которых я не произносила, подменял мои ответы на желаемые. В этой воображаемой беседе слова Джуда звучали глупо и даже оскорбительно, чтобы оправдать мои собственные заявления, либо были настолько полны безграничной любви, что я уверяла себя: все будет хорошо. Я не просила его отказываться от работы. С чего он взял, что я обрадуюсь?

В такси от вокзала до порта я задремала и забылась тягостным сном примерно на полчаса. Я резко проснулась от бодрого голоса водителя, как будто мне в лицо плеснули холодной водой. Когда я вылезла из машины, меня ослепило солнце, щеки обожгло соленым бризом. Голова кружилась, перед глазами все плыло.

Таксист высадил меня почти у самого трапа, но, глядя на ведущий к кораблю стальной мостик, я никак не могла поверить, что это и правда «Аврора». Да, я узнала отдельные детали по брошюре: огромные окна, в которых отражалось солнце, сияли чистотой – ни пятнышка, ни капельки воды, а белый корпус блестел так, словно его только что отполировали. Но я не представляла, что «Аврора» окажется такой маленькой, – скорее большая яхта, а не круизный лайнер. Теперь я поняла, что имелось в виду под словом «элитный». Даже по греческим островам курсируют суда крупнее. Каким образом все указанное в брошюре: библиотека, солярий, спа, сауна, коктейльный зал и все остальное, без чего избалованным пассажирам «Авроры» никак не обойтись, – могло уместиться на этом миниатюрном корабле?

Из-за размеров и безупречной поверхности корпуса судно казалось игрушечным, и, ступив на узенький стальной трап, я вдруг представила «Аврору» кораблем в бутылке – крошечным судном, идеальным на вид и оторванным от реальности, и, чтобы зайти на его борт, я уменьшаюсь с каждым шагом. Я будто смотрела в телескоп с другой стороны, и от этого странного ощущения кружилась голова.

По гавани бежали маслянисто-черные волны; когда трап качнулся под моим весом, мне на мгновение почудилось, что я падаю, что стальные ступени не выдержали. Я закрыла глаза и крепко сжала холодный металлический поручень.

Сверху вдруг раздался женский голос:

– Какой же чудесный запах!

Я с удивлением посмотрела вверх. У входа на корабль стояла стюардесса, привлекательная загорелая блондинка с практически белыми волосами, и улыбалась мне так, будто я ее богатая родственница из Австралии, о существовании которой она прежде и не знала. Сделав глубокий вдох, чтобы прийти в себя, я прошла остаток пути по трапу и поднялась на борт «Авроры».

– Добро пожаловать, мисс Блэклок, – сказала мне стюардесса. Слова звучали отрывисто, и я не могла понять, что это за акцент, но в ее тоне слышались такие радостные нотки, словно встреча со мной – событие не менее счастливое, чем выигрыш в лотерею. – Рада приветствовать вас на борту. Позвольте портье отнести ваш багаж?

Я огляделась. Откуда она знает, кто я?.. Не успела я ничего сказать, как мой чемодан уже унесли.

– Бокал шампанского?

Я запнулась, пытаюсь придумать достойный и остроумный ответ. Стюардесса приняла это за согласие, и у меня в руке оказался запотевший фужер.

– Э-э, спасибо.

Интерьер «Авроры» поражал. В это маленькое судно вместили столько шика и блеска, что хватило бы на лайнер в десять раз крупнее. Трап вел к площадке перед длинной изогнутой лестницей, отполированной до блеска, обрамленной мрамором и задрапированной шелком. Свет от громадной люстры над лестничным пролетом больше всего напоминал лучи солнца, отражающиеся в летний день от поверхности воды. От подобного зрелища слегка подташнивало – не от излишней роскоши, хотя, если задуматься, и от этого тоже, а по большей части от вызванного люстрой чувства дезориентации. Каждая капелька света преломлялась в кристаллах, как в призме, и ослепляла, сбивала с ног. Я словно смотрела в калейдоскоп, а учитывая мой недосып, ощущение это было не из приятных.

Стюардесса заметила мою растерянность и с гордой улыбкой сказала:

– Большая лестница – это что-то, правда? В одной только люстре более двух тысяч кристаллов Сваровски.

– Боже мой, – пробормотала я, борясь с желанием зажмуриться. В голове пульсировала боль. Надеюсь, я не забыла ибупрофен.

– Мы невероятно гордимся «Авророй», – дружелюбно продолжила стюардесса. – Меня зовут Камилла Лидман, и я отвечаю за обслуживание гостей. Мой кабинет на нижней палубе, если что-то понадобится, что угодно, обращайтесь. Джозеф, мой коллега, – она показала на улыбающегося блондина справа от нее, – проводит вас до каюты. Ужин в восемь, но мы приглашаем вас к семи часам в салон Линдгрэн, где пройдет презентация всех технических средств и новшеств, которыми вы сможете насладиться в круизе... О, мистер Ледерер!

По трапу поднимался высокий темноволосый мужчина лет сорока пяти, позади него портье тащил огромный чемодан.

– Осторожнее. – Мужчина заметно поморщился, когда тележка с чемоданом наткнулась на стык в трапе. – Внутри очень хрупкое оборудование.

– Мистер Ледерер! – Камилла Лидман встретила его с тем же безумным энтузиазмом, что и меня. Надо отдать должное ее актерскому мастерству, хотя в случае мистера Ледерера играть ей практически и не приходилось, ведь он был довольно приятным мужчиной. – Приветствую вас на борту «Авроры». Как насчет бокала шампанского – для вас и миссис Ледерер?

– Я буду один. – Мистер Ледерер пригладил волосы и изумленно взглянул на люстру Сваровски.

– О, мне очень жаль. – Камилла Лидман нахмурила свои безупречные брови. – Надеюсь, с миссис Ледерер все в порядке?

– Да, у нее все прекрасно, – ответил мистер Ледерер. – Более того, она трахается с моим лучшим другом. – Он с улыбкой взял бокал шампанского.

Камилла удивленно посмотрела на него и спокойным тоном обратилась к своему коллеге:

– Джозеф, проводи, пожалуйста, мисс Блэклок в ее каюту.

Джозеф едва заметно поклонился и показал рукой на ступени, ведущие вниз:

– Прошу сюда.

Я молча кивнула и, не выпуская из рук бокал шампанского, позволила себя увести. Краем уха я услышала, как Камила сообщает мистеру Ледереру, что ее кабинет находится на нижней палубе.

– У вас каюта Линнея, под номером девять, – сообщил мне Джозеф, пока я шла за ним по тускло-бежевому коридору, застеленному плотными коврами. – Все каюты носят имена выдающихся скандинавских ученых.

– Кому же достанется нобелевская? – нервно выдавила я, пытаюсь пошутить. В этом узком коридоре без окон мне казалось, что я задыхаюсь, а стены вокруг смыкаются. Тусклые лампы и отсутствие естественного освещения навевали сонливость.

– В этом рейсе каюту Нобеля займут лорд и леди Буллмер, – серьезно ответил Джозеф. – Лорд Буллмер – директор компании «Северное сияние» и владелец судна. На «Авроре» десять кают, – продолжил рассказывать он, пока мы спускались по очередной лестнице, – четыре в передней части, шесть – в кормовой, все расположены на средней палубе. В каждой каюте от одной до трех комнат, отдельная полноразмерная ванна и душевая кабина, двуспальная кровать и личная терраса. В каюте Нобеля имеется джакузи.

Терраса на круизном лайнере? Мне это показалось очень странным, но, пожалуй, не более чем остальные открытые части палубы. Джакузи? На этот счет я вообще лучше промолчу.

– К каждой каюте приписаны свои стюарды, к которым вы можете обращаться в любое время дня и ночи. Вас буду обслуживать я и моя коллега Карла, вы познакомьтесь с ней вечером. С радостью поможем вам по любым вопросам.

– Значит, это средняя палуба? – спросила я.

– Да, – кивнул Джозеф, – и здесь находятся только каюты для пассажиров. Наверху расположены обеденный зал, спа, библиотека, салон, прогулочная палуба и другие зоны общего пользования. Все они названы в честь скандинавских писателей: салон Линдгрэн, обеденный зал Яннсон и так далее.

– Яннсон?

– Туве, – подсказал он.

– Точно. Муми-тролли, – наконец поняла я. Боже, голова просто раскалывалась.

Мы остановились у панельной деревянной двери, на которой висела небольшая табличка с надписью: «№ 9: Каюта Линнея». Джозеф распахнул дверь и пропустил меня вперед.

Каюта была, без преувеличения, во много раз лучше моей квартиры и не такая уж маленькая. Вдоль правой стены вытянулись зеркальные шкафы, в середине комнаты, между диваном и туалетным столиком, стояла огромная двуспальная кровать, застеленная гладкими и хрустящими белыми простынями, на которые так и хотелось прилечь.

Но больше всего меня поразило не пространство, а свет. После узкого коридора с искусственным освещением струящийся сквозь двери террасы свет казался ослепляющим. Ветер развеивал белоснежные шторы, и я заметила, что раздвижная дверь открыта. Мне сразу стало спокойнее.

– Двери можно зафиксировать в открытом положении, – объяснил Джозеф, стоявший позади меня. – В случае неблагоприятных погодных условий они закроются автоматически.

– Замечательно, – пробормотала я, думая лишь об одном: скорее бы Джозеф ушел, чтобы я могла упасть на кровать и провалиться в сон.

И все-таки, неуклюже подавляя зевоту, я стояла и слушала про все функции душевой кабины (спасибо, а то я ей раньше не пользовалась), про холодильник и

мини-бар (бесплатный, к несчастью для моей печени). Джозеф добавил, что лед будут приносить дважды в день и что я могу обращаться к нему или Карле в любое время.

Когда Джозеф уже не мог не заметить мой широкий зевок, он с легким поклоном удалился, а я стала дальше разглядывать каюту.

Что скрывать – я была под впечатлением. Больше всего меня поразила кровать, которая зазывала улечься и проспать часов тридцать или сорок. Я посмотрела на белоснежное одеяло и золотисто-белые декоративные подушки, и желание поспать накрыло меня волной, проникло внутрь тела, мурашками пробежав от затылка до самых кончиков пальцев рук и ног. Мне требовался сон. Я жаждала его, как наркоман, считая часы до следующей дозы.

После тридцати минут тягостной дремоты в такси стало только хуже.

Но теперь ложиться нельзя. Если усну, то проснусь не скоро, а позволить себе проспать этот вечер я не могла. Можно еще пропустить кое-что по функциональности судна, об этом будут рассказывать через несколько дней, однако на сегодняшнем ужине и презентации я просто обязана присутствовать. Первый вечер на борту, все будут знакомиться и стремительно налаживать связи. Если я его просплю, упущенного не наверстать.

Я подавила зевок и вышла на террасу в надежде, что на свежем воздухе рассеется туман усталости, который окутывал меня, как только я переставала двигаться и замолкала.

Прекраснее террасы на роскошном круизном лайнере и не представить. Она была застеклена, отчего казалось, будто между тобой и океаном нет никакой преграды. На террасе стояли два шезлонга и маленький столик – вечером можно сидеть здесь и любоваться, в зависимости от круиза, белыми ночами или северным сиянием.

Я долго наблюдала за тем, как небольшие суда неспешно выдвигаются из порта Халл или заходят в него, а соленый ветер развеивал мои волосы. Вдруг в «Авроре» что-то переменилось. Я даже не сразу поняла. Двигатель, который последние полчаса спокойно урчал, заработал громче, и лайнер сдвинулся с места. Мы медленно развернулись и отошли от пристани, направившись в море.

Корабль осторожно выбирался из гавани по обозначенному зеленым и красным светом каналу. Когда мы покинули уютную гавань и вышли в Северное море, где зыбь порта сменилась огромными накатывающими волнами глубоководной части океана, судно стало двигаться по-другому. Берег понемногу удалялся, и строения порта Халл превратились в зазубрины на горизонте, а затем и вовсе стали неразличимы, слившись в одну темную линию. Глядя, как они ускользают из вида, я подумала обо всех незавершенных делах. Телефон оттягивал карман, и я достала его, надеясь увидеть хоть какое-нибудь послание от Джуда, пока я находилась в пределах действия британской мобильной сети. «До скорого». «Удачи». «Счастливого пути». Хоть что-нибудь.

Но экран был пуст. Сигнал уменьшился на одно деление, затем на два... Телефон молчал. Берег Англии исчезал вдалеке, и я слышала только плеск волн.

От: Джуд Льюис

Кому: Лора Блэклок

Отправлено: вторник, 22 сентября

Тема: все нормально?

Привет, милая, ты не писала мне с самого воскресенья. Не знаю, доходят ли до тебя сообщения. Ты получила мой ответ и сообщение, которое я отправил вчера?

Я немного волнуюсь, и не думай, что я, как идиот, смылся куда-нибудь зализывать раны. Это не так. Я люблю тебя, скучаю и думаю о тебе.

Не беспокойся о том, что случилось перед отъездом. Кстати, с зубом все в порядке. Полагаю, он приживется, как врач и говорил. В любом случае подлечиваюсь водкой.

Расскажи, как там круиз, а если занята, черкни пару строк – я хоть буду знать, что у тебя все хорошо.

Люблю, Дж.

От: Роуэн Лонсдейл

Кому: Лора Блэклок

Копия: Дженнифер Уэст

Отправлено: среда, 23 сентября

Тема: новые заметки?

Ло, два дня назад я прислала тебе письмо с просьбой отправить новые заметки по круизу – ответь, пожалуйста. Джен говорит, что ничего от тебя не получала, а мы надеялись завтра напечатать какой-нибудь материал – хотя бы для боковой колонки.

Как можно скорее сообщи Джен, когда статья будет готова, и поставь меня в копию.

Роуэн

Часть 2

Глава 6

У богатых даже душ лучше.

Бурлящие струи так неистово массировали мое тело, что мне казалось, будто я полностью слилась с водой.

Я намылила голову, побрила ноги, а затем, стоя под душем, просто смотрела на волны и небо и наблюдала за кружащими чайками. Я оставила дверь в ванную открытой, чтобы через комнату видеть террасу и море. Эффект... да, не стану скрывать, эффект потрясающий. Надо же поразить чем-то гостей, которые платят за такую каюту восемь штук или около того.

Неприличная сумма для человека с моей зарплатой – и даже для Роуэн. Долгие годы я пускала слюни на материалы, которые она присылала с виллы на Багамах или яхты на Мальдивах, и думала, что однажды и я дорасту до таких возможностей. Но теперь, оказавшись на ее месте, я не могла понять: как можно постоянно бывать среди людей, чья жизнь, в отличие от твоей, – это непозволительная роскошь? Как Роуэн выдерживала?

От нечего делать я попыталась посчитать, сколько месяцев мне надо работать, чтобы оплатить неделю пребывания на «Авроре», как вдруг что-то услышала, какой-то непонятный шум, приглушаемый гулом душа и явно исходящий из моей комнаты. Стараясь дышать ровно, я открыла глаза, чтобы выключить воду.

И увидела, что дверь ванной закрывается, словно кто-то уверенным движением руки захлопнул ее.

Раздался глухой стук, подобающий крепкой, тяжелой двери наивысшего качества, и я оказалась заперта в темноте и духоте ванной. На голову лилась вода, а сердце колотилось так сильно, что его наверняка уловил звуковой локатор судна.

За биением пульса в ушах и гулом воды ничего не было слышно. В темноте светились только красные лампочки на панели управления душевой кабины. Черт. Вот черт. Почему я не закрыла дверь в каюту на замок?

Стены словно сдвигались, а мрак поглощал меня целиком.

«Не паникуй», – сказала я самой себе. Никто тебя не тронет. Нет там никакого грабителя. Может, горничная зашла расстелить постель или дверь сама захлопнулась. Не паникуй.

Я заставила себя нащупать кнопки на панели управления. Пошла ледяная вода, затем обжигающе горячая – я вскрикнула и отшатнулась, ударившись лодыжкой о стену. Потом наконец нашла нужную кнопку, перекрыла воду и вслепую потянулась к выключателю.

Небольшую ванную залил ослепительный свет, и я посмотрела на себя в зеркало – жутко бледная, мокрые волосы прилипли к лицу, прямо как у той девочки из «Звонка». Вот черт.

Так вот что меня ждет? У некоторых случаются приступы паники, когда они идут домой от метро или ночуют дома без парня, – неужели я стану одной из них?

Нет, к черту. Не бывать этому.

На крючке на двери висел халат, и, наспех закутавшись в него, я сделала глубокий прерывистый вдох.

Не бывать.

В комнате было пусто. Совсем пусто. А дверь закрыта на замок, даже цепочка накинута. Никто зайти сюда не мог. Наверное, я просто услышала чьи-то шаги в коридоре. Да и дверь наверняка захлопнулась под собственным весом, когда корабль накренился.

Я снова проверила цепочку, массивную и крепкую, что обнадеживало, неуверенной походкой дошла до кровати и легла. Сердце по-прежнему колотилось от выброса адреналина, и я все ждала, когда пульс придет хоть в некоторое подобие нормы.

Сейчас бы уткнуться в плечо Джуду. От этой мысли я едва не расплакалась, но стиснула зубы и подавила слезы. Джуд здесь не поможет. Проблема во мне и в чертовых приступах паники. Слабачка.

Ничего страшного не случилось. Ничего страшного. Я повторяла эти слова в такт учащенным вздохам, пока не начала успокаиваться.

Ничего страшного не случилось. Ни сейчас, ни тогда. Никто тебя не тронул.

Ладно.

Боже, надо выпить.

В мини-баре нашелся тоник, лед и шесть миниатюрных бутылочек джина, виски и водки. Я сыпанула в стакан льда, слегка трясущимися руками залила его содержимым двух мини-бутылочек. Добавила немного тоника и выпила залпом.

По телу разлилось тепло, и мне сразу же стало лучше.

Я встала, ощущая легкость в голове, в руках и ногах, и достала из сумки телефон. Сигнала не было, мы вне зоны доступа, зато на судне имелся вай-фай. Я открыла почту и, грызя ногти, смотрела, как в папке «Входящие» появляются все новые и новые письма. Все не так плохо, ведь сегодня воскресенье – я боялась, что их будет больше, – но пролистывая список писем вниз, я почувствовала ужасное напряжение. И тут я поняла, что именно я ищу и зачем. Ни одного письма от Джуда.

Я ответила на несколько срочных сообщений, пометила остальные непрочитанными и выбрала опцию «Написать».

«Дорогой Джуд», – набрала я. И не могла подобрать слов. Интересно, чем он сейчас занимается? Собирает чемодан? Сидит в самолете в тесном экономклассе? Или лежит на кровати в каком-нибудь отеле, пишет мне сообщения, посты в «Твиттере», вспоминает меня...

Я вновь мысленно пережила тот момент, когда ударила его по лицу тяжелой лампой. О чем я только думала?

«Ты и не думала, – сказала я самой себе. – Ты до конца не проснулась. Ты не виновата. Это вышло случайно».

«Фрейд говорил, что случайностей не существует, – отозвался внутренний голос. – Может, все дело в тебе...»

Я не желала слушать его и потрясла головой.

Дорогой Джуд, я люблю тебя.

Я скучаю.

Прости.

Я все стерла и начала писать новое письмо.

От: Лора Блэклок

Кому: Памела Крю

Отправлено: воскресенье, 20 сентября

Тема: жива-здорова

Привет, мам, у меня все хорошо, я уже на борту корабля, который оказался невероятно роскошным. Тебе бы здесь понравилось! Не забудь сегодня забрать Делайлу. Ее корзинка на столе, а еда под раковиной. Пришлось сменить замок, новый ключ у миссис Джонсон, которая живет этажом выше.

Люблю тебя и СПАСИБО!

Целую, Ло

Я нажала «отправить», потом открыла «Фейсбук» и написала сообщение моей лучшей подруге Лисси.

Здесь просто невероятно здорово. Мини-бар в моей каюте – прости, я имела в виду в чертовски огромных АПАРТАМЕНТАХ – забит НЕОГРАНИЧЕННОЙ бесплатной выпивкой, что не пойдет на пользу ни профессионализму, ни печени. Увидимся на суше, если я еще буду стоять на ногах. Целую, Ло.

Я налила себе еще джина и вернулась к письму Джуду. Надо что-то написать. Нельзя же оставлять все так, как было перед моим уходом. Задумавшись, я написала: «Дорогой Дж. Прости, что перед отъездом я вела себя как настоящая стерва. Я говорила сгоряча. Я очень люблю тебя». Пришлось остановиться, потому что мешали слезы и я не видела экран. Сделав пару прерывистых вдохов, я раздраженно протерла глаза и дописала: «Сообщи мне, когда будешь на месте. Удачно добраться. Целую, Ло».

Уже теряя надежду, я обновила папку с входящими письмами. Увы, ничего нового так и не пришло. Я со вздохом осушила второй стакан джина. Часы у кровати показывали 18.30, а значит, настало время достать бальное платье номер один.

Проинформировав меня, что ужин на борту – это торжественное мероприятие и требует «официального» (читай: «дурацкого») дресс-кода, Роуэн посоветовала взять напрокат как минимум семь вечерних платьев, чтобы не появляться в одном и том же дважды. Правда, заплатить за эти семь платьев она не предложила, поэтому я взяла три, что и так на три больше, чем я собиралась брать.

Из них мне больше всего приглянулось самое вычурное – длинное серебристо-белое платье-футляр, расшитое стразами, в котором, как без тени сарказма утверждала консультант, я похожа на Лив Тайлер из «Властелина колец». Видимо, мне не удалось сохранить серьезный вид, потому что, пока я примеряла другие платья, она бросала на меня подозрительные взгляды.

Однако я не была готова начать с платья со стразами, когда некоторые вполне могут прийти на встречу в джинсах, так что я выбрала самый скромный наряд – атласное темно-серое платье-комбинацию, длинное и узкое. На правом плече – небольшая россыпь пайеток в форме листочков, но по-другому, наверное, никак. Такое чувство, что большую часть бальных платьев создают пятилетние девочки, вооруженные пистолетами с блестками, зато этот наряд хотя бы не сильно напоминал взрыв на фабрике кукол Барби.

Я втиснулась в платье, застегнула застежку на боку и вытрясла полный набор «боеприпасов» из косметички. Пары мазков блеском для губ сегодня явно не хватит, чтобы хоть немного быть похожей на человека. Замазывая порез на щеке маскирующим карандашом, я вдруг поняла, что среди груды косметики нет туши.

Я перерыла всю сумку, надеясь найти ее там, попыталась вспомнить, где я ее последний раз видела. Ну конечно. В сумке вместе с остальными вещами! Тушью я пользуюсь не всегда, но без темных ресниц дымчатый макияж выглядит странно и нелепо, как будто я его не доделала. В голове проскользнула глупая мысль: не использовать ли вместо туши жидкую подводку, – однако вместо этого я решила еще раз проверить сумку, вдруг во внутреннем кармане есть запасная. Я вытряхнула на кровать содержимое сумки, хотя в глубине души знала, что туши там определенно нет. Складывая все обратно, я услышала шум из соседней каюты – туалет со смывом под давлением заглушал даже гул двигателя.

Взяв ключ-карту, я босиком вышла в коридор.

На деревянной двери из ясеня по правую сторону от моей каюты висела табличка «№ 10: Каюта Пальмгрена» – похоже, к десятой каюте выдающихся скандинавских ученых уже не осталось, так что ее назвали в честь композитора. Я нерешительно постучала.

Никто не открыл. Я подождала. Может, пассажир в душе.

Я постучала снова – три раза, отрывисто, – потом еще разок с силой ударила в дверь, вдруг у человека проблемы со слухом.

Дверь тут же распахнулась, как будто пассажир стоял прямо за ней.

– Чего? – спросила женщина, не до конца открыв дверь. – Все нормально? – Выражение ее лица вдруг изменилось. – Черт. Вы кто?

– Ваша соседка, – ответила я. Женщина была молодая и симпатичная, с длинными темными волосами, в потрепанной и дырявой футболке «Пинк Флойд», и этим почему-то мне очень понравилась. – Лора Блэклок. Ло. Простите за странную просьбу... можно одолжить у вас тушь?

На туалетном столике виднелась целая куча тюбиков и кремов, да и сама она была накрашена, так что я была вполне уверена, что проблем не возникнет.

– Тушь? – Вид у нее был взволнованный. – Хорошо. Сейчас.

Она скрылась внутри каюты, закрыв за собой дверь, а потом вернулась с тюбиком туши «Мейбеллин» и сунула его мне в руку.

– О, спасибо. Накрашусь и сразу верну.

– Не надо, – сказала она. Я машинально возразила, но она все равно отказалась: – Серьезно, оставьте себе.

– Я помою щеточку, – предложила я, однако женщина нетерпеливо покачала головой:

– Говорю же, не надо.

– Ладно, – озадаченно произнесла я. – Спасибо.

– Не за что. – Она захлопнула дверь у меня перед носом.

Я вернулась в свою каюту. Если уж я чувствовала себя на судне не в своей тарелке, то этой девушке наверняка совсем не по себе. Может, это чья-то дочь? Интересно, будет ли она на ужине?

Только я накрутила глаза взятой у соседки тушью, как в дверь постучали. Неужели передумала?

– Привет, – сказала я, открывая дверь. Однако в коридоре стояла другая девушка – в форме стюардессы. Она явно переусердствовала с выщипыванием бровей, и теперь на ее лице застыло удивленное выражение.

– Добрый вечер, – поздоровалась стюардесса певучим скандинавским тоном. – Меня зовут Карла, я обслуживаю ваш номер вместе с Джозефом. Хотелось бы напомнить вам, что презентация состоится...

– Помню, – перебила я ее резче, чем хотелось. – В семь часов в зале Пеппи Длинныйчулок... или как там?

– О, вы неплохо разбираетесь в скандинавских писателях! – просияла она.

– С учеными у меня хуже, – призналась я. – Скоро приду.

– Чудесно. Лорд Буллмер будет рад поприветствовать всех пассажиров.

Когда она ушла, я покопалась в чемодане в поисках накидки к платью – что-то вроде серой шелковой шали. Набросив ее на плечи, я стала походить на одну из сестер Бронте.

Заперев дверь, я засунула карту-ключ в бюстгальтер и пошла по коридору к салону Линдгрэн.

Глава 7

Белое. Белое. Светлый деревянный пол. Бархатистые диваны. Длинные шелковые шторы. Безупречные стены. Поразительно непрактично для пассажирского судна – видимо, так и задумывалось.

С потолка свисала еще одна люстра Сваровски, и я, практически ослепленная, не могла не остановиться у входа. Дело было не только в самом свете, в переливах и отражении кристаллов от потолка, но и в размахе. Зал был идеальной копией салона какого-нибудь пятизвездочного отеля или приемной лайнера «Куин Элизабет 2», только маленькой. В помещении находилось человек двенадцать или пятнадцать, не больше, но они заполняли все пространство, и даже люстру для этого зала сделали поменьше. Как в кукольном домике.

Я оглядывала присутствующих, пытаюсь отыскать среди них ту девушку в футболке «Пинк Флойд», когда из коридора позади меня раздался низкий голос:

– Ослепнуть можно, правда?

Я обернулась и увидела таинственного мистера Ледерера.

– Есть немного.

– Коул Ледерер, – протянул он руку.

Его имя казалось смутно знакомым.

– Лора Блэклок.

Мы пожали друг другу руки. Даже поднимаясь по трапу в джинсах и футболке, он был «усладой для глаз», как сказала бы Лисси. Теперь, глядя на него в смокинге, я вспомнила выведенное Лисси правило: смокинг делает мужчину на 33 процента более привлекательным.

– Итак, мисс Блэклок, – продолжил он, взяв бокал с подноса, предложенного очередной улыбчивой стюардессой-скандинавкой, – что привело вас на «Аврору»?

– Зовите меня Ло. Я журналист, пишу для «Велосити».

– Что ж, очень рад познакомиться, Ло. Не откажетесь выпить?

Он взял еще один фужер и с улыбкой протянул его мне. На мгновение я усомнилась, стоит ли пить, когда вечер только начинается. Впрочем, отказаться невежливо. В желудке было совсем-совсем пусто, и я еще не протрезвела после джина, но ведь один бокальчик не помешает?

– Спасибо, – наконец сказала я. Ледерер подал бокал, коснувшись пальцами моей руки – вряд ли случайно, – и я сделала глоток, чтобы успокоить нервы. – А вы? Какая у вас тут роль?

– Я фотограф, – ответил он, и я вдруг вспомнила, где слышала его имя.

– Коул Ледерер! – воскликнула я, проклиная себя. Роуэн прицепилась бы к нему еще на трапе и не отпускала. – Ну конечно, автор потрясающих снимков тающих горных вершин для «Гардиан»!

– Верно, – широко улыбнулся он. Ледерер не скрывал, что ему приятно быть признанным; странно, как это ему до сих пор не надоело – ведь он знаменит, почти как легендарный британский фотограф Дэвид Бейли. – Меня пригласили

подготовить фотоматериал для освещения поездки в СМИ: мрачные снимки фьордов и все такое.

– А вы таким обычно не занимаетесь? – неуверенно поинтересовалась я.

– Нет. Чаще всего фотографирую вымирающие виды или уголки природы, находящиеся в зоне риска, а местным обитателям, похоже, ничего не угрожает. Они очень даже упитанны.

Мы вместе обвели зал взглядом. Что до мужчин, вынуждена была согласиться с Коулом. Если мы вдруг потерпим кораблекрушение, вон та компашка в дальнем углу продержится несколько недель на собственных запасах жира. Чего не скажешь о женщинах – на их безупречных стройных телах словно было написано «бикрам-йога» и «макробиотическое питание», и уж они вряд ли долго протянут, пойдя корабль ко дну. Если только не съедят одного из своих мужчин.

Я увидела еще несколько лиц, знакомых по журналистским мероприятиям: здесь была Тина Уэст, редактор «Вернских времен» (с девизом «Восемьдесят дней – это только начало»), худая, как гончая, и увешанная украшениями, которые, пожалуй, весили больше ее самой; круглый и лоснящийся, точно морж, Александр Бельхомм, журналист, пишущий о путешествиях и о еде для нескольких бесплатных журналов, которые можно найти в поездах и самолетах, и Арчер Фенлан, известный специалист по «экстремальным путешествиям».

Арчеру, пожалуй, едва за сорок, хотя из-за огрубевшего лица, покрытого автозагаром, он выглядел старше. Бедняга переминался с ноги на ногу – в смокинге и галстуке ему было явно неудобно. Не представляю, как он здесь оказался, ведь обычно Арчер путешествует по Амазонке, поедая личинок. Наверное, решил немного отдохнуть.

Девушки из соседней каюты нигде не было видно.

– Бу! – напугал меня кто-то сзади.

Я обернулась.

Бен Говард. А он тут что забыл? С нашей последней встречи широко улыбающийся Бен успел отрастить густую модную бороду.

– Бен, – ошеломленно выдавила я. – Как дела? Ты знаком с Коулом Ледерером? Бен раньше работал вместе со мной в «Велосити», а теперь пишет для... Для кого ты теперь пишешь? «Инди»? «Таймс»?

– Мы с Коулом знакомы, – спокойно ответил Бен. – Вместе работали над тем проектом «Гринписа». Как ты, дружище?

– Нормально, – сказал Коул.

Бен и Коул по-мужски приобняли друг друга – видимо, для рукопожатия они недостаточно суровы, а для удара кулаками чересчур консервативны.

– Отлично выглядишь, Блэклок. – Бен окинул меня таким взглядом, что я заехала бы ему коленом между ног, если бы не чертовски узкое платье. – Правда... ты что, опять боксировала?

Я не сразу поняла, о чем он говорит, но потом до меня дошло: синяк на щеке. Видимо, я не слишком хорошо управляюсь с маскирующим карандашом.

Воспоминание о чужаке в моей квартире – ростом примерно с Бена, с такими же блестящими темными глазами – явственно пронеслось у меня перед глазами; сердце вновь заколотилось, а грудь сжало, и я никак не могла найтись с ответом. Просто смотрела на Бена, надеясь, что не обжигаю своим ледяным взглядом.

– Ладно, ладно, извини, – поднял он руки. – Не мое дело, понял. Боже, ну и тугой же воротник. – Бен подергал галстук-бабочку. – Так как ты тут оказалась? Дела пошли в гору?

– Роуэн заболела, – коротко объяснила я.

– Коул! – Неловкое молчание прервал чей-то голос, и мы обернулись. Шурша серебристым платьем, будто змеиной кожей, по белоснежному дубовому полу шла Тина. Не обращая внимания на нас с Беном, она расцеловала Ледерера в обе

щеки. – Дорогой, сколько зим! – Ее хриплый голос был полон эмоций. – Когда же ждать тех снимков, что ты обещал для «Вернских времен»?

– Привет, Тина, – сказал Коул с едва заметной утомленностью в голосе.

– Позволь познакомить тебя с Ричардом и Ларсом, – промурлыкала она и, взяв Коула под руку, повела его в сторону группы мужчин, которых я заметила при входе в зал. Коул дал себя увести и напоследок грустно улыбнулся. Бен проводил его взглядом, а затем резко повернулся ко мне, так изогнув бровь, что я усмехнулась.

– Теперь понятно, кто тут королева бала, да? – с иронией спросил Бен, и я не могла не кивнуть в ответ. – Так как у тебя дела? – продолжил он. – По-прежнему с тем янки?

Что я могла сказать? Что я не знаю? Что, скорее всего, я все испортила и потеряла его?

– Который по-прежнему в разъездах, – наконец выдавила я с кислой улыбкой.

– Вот досада. Но знаешь, все, что происходит среди фьордов, остается среди фьордов...

– Да ну тебя, Говард!

– Попытка не пытка, что тут такого, – подмигнул он.

«Много чего такого», – подумала я, однако промолчала и взяла еще один бокал с подноса у проходившей мимо официантки. Осмотрелась, пытаюсь придумать другую тему для разговора.

– Так кто еще на борту? – спросила я. – Кроме нас с тобой, Коула, Тины и Арчера. Ну, и Александра Бельхомма. Вот эти, например, кто? – кивнула я на людей, с которыми болтала Тина. Трое мужчин и две женщины, одна из них примерно моего возраста, только в платье тысяч на пятьдесят дороже моего, а вторая...

– Лорд Буллмер со свитой. Владелец судна и... скажем, номинальный глава компании.

Я внимательно смотрела на эту группу, стараясь узнать лорда Буллмера по фотографии из Википедии. Получилось не сразу, но как только один из мужчин громко рассмеялся, запрокинув голову, я поняла, что это он. Высокий, поджарый, в идеально сидящем – должно быть, сшитом на заказ – костюме, сильно загорелый, как будто много времени проводит под открытым небом. Когда он смеялся, его ярко-голубые глаза сужались до узких щелочек. На висках проступила седина, но не как признак старения – такая седина бывает на иссиня-черных волосах.

– Молодой... Странно, он наш ровесник и уже лорд, правда?

– И еще виконт чего-то там, если не ошибаюсь. Деньжата у него в основном от жены, наследницы семейства Лингстад, основателей автомобильного производства. Слышала о них?

Я кивнула. Мои знания в этой области не слишком обширны, да и семья эта известна своей непубличностью, но даже я слышала про Фонд Лингстад. В любом репортаже из зоны катастрофы международного масштаба всегда появлялись грузовики и посылки с гуманитарной помощью с логотипом их фонда. Я вдруг вспомнила: в прошлом году во всех газетах был снимок – может, кстати, его даже сделал Коул, – на котором сирийская женщина поднимает на руках ребенка прямо перед грузовиком Лингстадов, чтобы заставить водителя остановиться.

– А это, значит, она? – показала я кивком на стоявшую ко мне спиной блондинку, смеявшуюся над шуткой. На ней было поразительно простое платье из розового шелка, по сравнению с которым мой наряд казался практически маскарадным.

– Нет, это Хлоя Йенссен, – покачал головой Бен. – Бывшая модель и теперь жена вон того светловолосого парня, Ларса Йенссена. Он большая шишка в сфере финансов, глава крупной инвестиционной группы в Швеции. Видимо, Буллмер пригласил его сюда как потенциального инвестора. А жена Буллмера, Анне, рядом с ним, с платком на голове.

Вот это да... Удивительно. По сравнению с остальными она выглядела... блеклой. На женщине было бесформенное шелковое кимоно серого цвета, похожее одновременно и на вечернее платье, и на домашний халат, вокруг головы у нее был повязан шелковый платок, но даже издали я видела, что кожа у нее бледная, почти восковая. Эта ее бледность резко выделялась на фоне остальных людей в их компании, которые выглядели прямо-таки неприлично здоровыми. Я поняла, что слишком пристально смотрела на нее, и опустила глаза.

– После болезни, – пояснил Бен. – Рак груди. Слышал, все было очень серьезно.

– Сколько ей?

– Лет тридцать, не больше.

Бен осушил бокал и оглянулся в поисках официанта, а я снова уставилась на супругу Буллмера. Ни за что бы не узнала ее по той фотографии из Интернета. Может, все дело в посеревшей коже или бесформенном наряде, однако выглядела Анна теперь намного старше, а без прелестной копны золотистых волос и вовсе стала не похожа на саму себя.

Зачем она здесь, почему не осталась отдыхать дома? Хотя почему бы и нет? Может, ей недолго осталось. Может, она хочет как можно лучше прожить остаток жизни. А может быть, пришла мне в голову еще одна идея, может быть, она никак не дождется, когда та женщина в сером платье перестанет смотреть на нее с жалостью и оставит ее в покое.

Я снова отвела взгляд и попыталась найти другой объект для домыслов. В компании остался только один неизвестный мне человек – высокий мужчина постарше с аккуратной седеющей бородой и огромным животом, который мог вырасти только в результате большого количества сытных обедов.

– Кто этот двойник Дональда Сазерленда? – спросила я у Бена, и он повернулся посмотреть.

– Кто? А, это Оуэн Уайт. Британский инвестор. Вроде Ричарда Брэнсона, только немного помельче.

– Господи, Бен, откуда ты все это знаешь? У тебя что, в голове энциклопедия высшего общества?

– Да нет. – Бен глянул на меня с недоверием. – Запросил в пресс-службе список гостей и погуглил их. Элементарно.

Вот черт. Любой хороший репортер поступил бы точно так же, а я и не подумала. С другой стороны, вряд ли последние несколько дней Бен страдал от недостатка сна и посттравматического стресса.

– Как насчет...

Слова Бена заглушил «дзынь-дзынь-дзынь» металла о фужер с шампанским, и на середину зала вышел лорд Буллмер. Камилла Лидман отложила бокал и чайную ложку и хотела было подойти и представить Буллмера, но он махнул рукой, и Камилла со скромной улыбкой удалилась.

В комнате воцарилась уважительная тишина, полная предвкушения, и лорд Буллмер заговорил.

– Благодарю всех, кто присоединился к нам на первом плавании «Авроры», – начал он. В его дружелюбном тоне не слышалось никаких намеков на классовую принадлежность – к такому обычно и стремятся в частных школах, – а от голубых глаз невозможно было отвести взгляд. – Меня зовут Ричард Буллмер. Моя супруга Анне и я рады приветствовать вас на борту. Мы старались сделать этот корабль вторым домом для наших пассажиров.

– Вторым домом? – прошептал Бен. – У Буллмера-то, конечно, дом с видом на море и бесплатным мини-баром. Не то что у меня, черт возьми.

– Мы считаем, что ради путешествия не стоит идти на компромиссы, – продолжил Буллмер. – На «Авроре» все будет по вашему желанию, а если вам что-то не понравится, и я, и мои работники готовы вас выслушать. – Он замолчал и подмигнул Камилле – понятно, что претензиями будет заниматься она. – Тем из вас, что меня знают, известно о моей страсти к Скандинавии, к теплу ее народа, – с улыбкой взглянул он на Анне и Ларса, – к потрясающей еде, – кивнул Буллмер на пронесенный мимо поднос с канapé с креветками и укропом, – и к поразительной красоте самого региона, от холмистых лесов Финляндии и

разрозненных островов шведского архипелага до величественных фьордов Норвегии, откуда родом моя жена. Но для меня, как ни парадоксально, в скандинавских пейзажах самое главное вовсе не земля, а небо, бескрайнее и почти неестественно ясное. И именно небо венчает красоту зимней Скандинавии – в нем мы наблюдаем северное сияние. Природа не работает по расписанию, но я очень надеюсь, что в этом плавании нам удастся насладиться поразительным великолепием северного сияния. А теперь, дамы и господа, поднимем бокалы за первое плавание «Авроры Бореалис» – и пусть красота северного сияния, в честь которого она названа, никогда не померкнет.

– За «Аврору Бореалис», – послушно произнесли мы хором и осушили бокалы. Алкоголь струился по моему телу, снимая все неприятные ощущения, даже боль в до сих пор ноющей щеке.

– Ну что, Блэклок, – сказал Бен, отставив пустой бокал. – Вперед, за дело, пора посплетничать.

Мне не очень хотелось подходить к этим людям вместе с ним. Учитывая наше прошлое, будет неловко, если нас примут за пару, но оставаться в стороне, пока Бен налаживает связи, я тоже не могла. Когда мы двинулись через зал, Анне Буллмер коснулась руки своего мужа и прошептала что-то ему на ухо. Тот кивнул, Анне подобрала полы платья, и они вместе направились к выходу. Ричард заботливо держал ее за руку. Супруги прошли мимо нас через центр зала, и Анне так мило улыбнулась, что на ее тонком вытянутом лице проступила тень былой красоты. Я заметила, что у нее нет бровей. Вместе с выступающими скулами это придавало лицу удивленное выражение и делало его похожим на череп.

– Прошу меня извинить, – сказала она на таком чистом английском, который можно услышать только на Би-би-си. – Я очень устала, так что, боюсь, с сегодняшнего вечера придется улизнуть. Но завтра я буду рада познакомиться с вами поближе.

– Конечно, – неловко произнесла я и попыталась улыбнуться. – Я... я тоже буду рада.

– Я только провожу супругу до каюты, – сообщил Ричард Буллмер. – Вернусь еще до подачи ужина.

Они неспешно вышли из зала. Посмотрев им вслед, я обратилась к Бену:

– Она потрясающе говорит по-английски. Никогда бы не подумала, что она из Норвегии.

– В детстве Анне почти и не жила там. Насколько мне известно, большую часть юных лет она провела в школах-интернатах в Швейцарии. Ну что, Блэклок, я иду в бой, прикрой меня.

Бен широким шагом прошел через зал и, подхватив по пути несколько канapé, с искусной легкостью прирожденного журналиста втиснулся в небольшую группу людей.

– Бельхомм, – сказал Бен лицемерным тоном, свойственным воспитанникам Итона, хотя сам-то вырос в муниципальном микрорайоне Эссекса. – Рад снова вас видеть. А вы, сэр, должно быть, Ларс Йенссен, я читал о вас в «Файнэншл таймс». Восхищаюсь вашей позицией по поводу окружающей среды – наверняка развивать бизнес с такими принципами не очень-то легко.

Только посмотрите, каков засранец! Как у него хорошо получается налаживать знакомства. Неудивительно, что он пишет для «Таймс», тогда как я застряла в «Велосити» в тени Роуэн. Надо подойти к нему, вклиниться в беседу. Это был мой шанс, и я это знала. Так почему я, сжимая бокал холодными пальцами, никак не могла сойти с места?

Мимо прошла официантка с бутылкой шампанского, и я, слегка противясь, позволила освежить мой бокал. Когда она отошла, я безрассудно сделала глоток.

– Пенни? – шепнул мне кто-то на ухо, и, обернувшись, я увидела Коула Ледерера.

– Какая Пенни? – выдавила я, хотя ладони вспотели от тревоги.

Коул широко улыбнулся, и я поняла, что он имел в виду.

– А, ну да, пенни за мои мысли. – Я сердилась на саму себя и на Коула – за то, что он такой элегантный.

– Прошу прощения, – все еще улыбаясь, сказал он. – Дурацкая фраза. Просто вы стояли с таким задумчивым видом, да еще и прикусив губу... О чем вы думаете?

Я прикусила губу? Черт, осталось только поводить носами туфель и похлопать ресницами.

Я попыталась вспомнить, о чем думала – кроме Бена и отсутствия навыков заводить знакомства. На ум приходил только тот ублюдок, что залез в мою квартиру, но об этом я рассказывать не собиралась. Пусть Коул Ледерер уважает меня как журналиста, а не испытывает ко мне жалость.

– Ну... э-э... политика, – наконец промолвила я.

Коул недоверчиво взглянул на меня.

– Ну а вы о чем думали? – сердито спросила я.

Не зря большая часть наших мыслей остается в голове – озвучивать их зачастую небезопасно.

– Кроме как о ваших губах?

Я едва не закатила глаза и постаралась воззвать к своей внутренней Роуэн, которая пофлиртowała бы с Коулом, чтобы добыть его визитку.

– Если хотите знать, – продолжил Коул, оперевшись о стену, когда корабль качнулся на волнах и шампанское загремело в ведерках, – я думал о своей жене, которая скоро станет бывшей.

– О, мне жаль. – Я заметила, что он тоже пьян, просто умело скрывает.

– Она трахается с моим шафером, с самой свадьбы. Не мешало бы отплатить ей тем же.

– Переспать с подружкой невесты?

– Ну или... с кем угодно.

Ха. Довольно прямолинейно. Коул снова широко улыбнулся, и его слова прозвучали вполне мило, как будто он просто хочет попытать счастья, а не пользуется подлыми приемами пикапера.

– Думаю, проблем у вас не возникнет, – несерьезным тоном бросила я. – Уверена, что Тина не откажется.

Коул усмехнулся, и я вдруг почувствовала себя виноватой. Подумаешь, Тина пустила в ход свое обаяние! Что тут такого, это ведь не преступление.

– Извините, – сказала я, жалея, что нельзя взять свои слова обратно. – Неудачно пошутила.

– Но точно, – с иронией заметил Коул. – Ради хорошей истории Тина готова освежевать собственную бабушку.

– Дамы и господа, – прервал нашу беседу голос стюарда. – Прошу пройти в зал Яннсон, ужин будет скоро подан.

Когда мы начали продвигаться к выходу, я спиной почувствовала чей-то взгляд и обернулась. Позади стояла Тина и смотрела на меня с большим любопытством.

Глава 8

Чтобы проводить нас в крохотную столовую по соседству, потребовалось на удивление много времени. Я ожидала чего-то практичного, вроде выстроенных рядами столов и длинного прилавка с едой, как на паромках. Но здесь, конечно, все было иначе: мы словно оказались в домашней обстановке, правда, лично у меня нет знакомых, чью столовую украшают шторы из шелка-сырца и хрустальные бокалы.

Гости расположились за двумя столами по шесть человек, причем за каждым столом оставалось по одному свободному месту. Может, одно из них – для той

девушки из десятой каюты? Я быстро пересчитала присутствующих.

За первым столом сидели Ричард Буллмер, Тина, Александр, Оуэн Уайт и Бен Говард. Пустовало место напротив Ричарда Буллмера.

За вторым столом сидели я, Ларс и Хлоя Йенссен, Арчер и Коул, место рядом с последним тоже было пустым.

– Можете забрать, – показал Коул на неиспользуемые приборы, когда официантка принесла бутылку вина. – У моей жены не получилось приехать.

– О, сожалею, сэр. – Официантка шепнула что-то коллеге, и ненужные приборы тут же убрали.

Так, здесь все понятно. Однако оставалось еще одно место за первым столом.

– Шабли? – предложила официантка.

– Да, с удовольствием, – откликнулся Коул.

В этот момент Хлоя Йенссен наклонилась через стол, протягивая мне руку.

– Нас не представили. – Как ни удивительно, у этой миниатюрной девушки оказался низкий хриплый голос, а еще я услышала едва заметный эсекский акцент. – Меня зовут Хлоя, Хлоя Йенссен, хотя по работе меня знают под фамилией Уайлд.

Ну конечно! Теперь я узнала эти знаменитые широкие скулы и славянского типа глаза. Даже без сценического макияжа и освещения она выглядела так, словно была родом из другого мира, словно ее только что вырвали из исландской рыбацкой деревушки или сибирского поселка. В голове не укладывалось, как модельный скаут мог заприметить ее в загородном супермаркете.

– Рада познакомиться, – сказала я, пожав Хлое руку. Ее хватка была сильной, почти болезненной, особенно из-за массивных колец на холодных пальцах. Вблизи она выглядела неотразимо; мое платье и в сравнение не шло со строгой красотой ее наряда, и мне показалось, что мы с ней с разных планет. – А я Ло

Блэклок.

– Ло Блэклок! – рассмеялась Хлоя. – Мне нравится. Словно имя кинозвезды из пятидесятых, такой, знаете, с осиной талией и сиськами до подбородка.

– Если бы, – улыбнулась я, несмотря на усиливающуюся головную боль. В ее веселом настрое было что-то заразительное. – А это, должно быть, ваш муж?

– Да, Ларс. – Хлоя взглянула на него, желая вовлечь в беседу, но тот был увлечен разговором с Коулом и Арчером, так что Хлоя, закатив глаза, снова повернулась ко мне.

– Ждут кого-то еще? – кивком указала я на пустое место за первым столом.

Хлоя покачала головой:

– Наверное, это место Анне – жены Ричарда. Ей нездоровится. Видимо, решила поужинать у себя в каюте.

– Ну конечно. – И как я об этом не подумала? – Вы хорошо ее знаете?

– Нет, я хорошо знаю Ричарда, через Ларса, а Анне редко покидает Норвегию. Вообще-то, я не ожидала увидеть ее на борту, она вроде как затворница, но из-за рака и не такое...

Ее ответ прервали официанты, подав пять темных прямоугольных тарелок с россыпью квадратиков и комков пены всех цветов радуги на чем-то вроде сена. Любопытно, что я сейчас буду есть...

– Морские черенки, маринованные со свеклой, – объявил стюард, – на бизоновой траве и высушенных водорослях.

Официанты ушли, и Арчер, взяв вилку, тыкнул ею в квадратик самого яркого цвета.

– Морские черенки? – с сомнением спросил он. На телевидении его йоркширский акцент не был так заметен. – Никогда не любил сырых моллюсков. У меня от них

дрожь по телу.

– Правда? – поинтересовалась Хлоя, по-кошачьи улыбнувшись – флиртующе и недоверчиво одновременно. – Я думала, вы питаетесь подножным кормом – ну, жуки, ящерицы...

– Если бы вам ежедневно платили за поедание экскрементов, вы бы все-таки не отказались съесть стейк в выходной, – сказал Арчер и широко улыбнулся. Повернувшись ко мне, он протянул руку: – Арчер Фенлан.

– Ло Блэклок, – ответила я, пережевывая что-то непонятное – надеюсь, не «кукушкины слюни», которые выделяют личинки. – Вообще-то, мы уже встречались, хотя вы вряд ли меня помните. Я из «Велосити».

– Ах да. Значит, ваша начальница Роуэн Лонсдейл?

– Все верно.

– Ей понравилась моя статья?

– Да, она была очень популярна, набрала массу комментариев.

«Двенадцать на удивление вкусных вещей, которые вы считали несъедобными» или что-то вроде того. К статье прилагался снимок – улыбаясь в камеру, Арчер жарит на костре нечто неопишемое.

– Вы не будете это есть? – показала Хлоя на тарелку Арчера. Ее тарелка уже опустела, и Хлоя, вытерев палец о блестящую губу, облизала его.

Поколебавшись, Арчер отодвинул от себя тарелку.

– Пожалуй, лучше пропущу. Дождусь следующего блюда.

– Справедливо, – заметила Хлоя.

Краем глаза я заметила какое-то движение у ее колен – даже за скатертью было видно, что под столом они с Ларсом держатся за руки, и он ласково поглаживает ее пальцы. Такое личное и одновременно такое открытое прикосновение меня поразило. Похоже, она не просто легкомысленная любительница флирта.

Арчер что-то говорил мне, и я повернулась к нему, изо всех сил стараясь сосредоточиться.

– Прошу прощения, задумалась... Что вы сказали?

– Предложил вина. Будете еще?

Я взглянула на пустой бокал – шабли выпито до дна, а я и не заметила.

– Да, буду.

Пока Арчер наливал мне вина, я пыталась сообразить, сколько уже выпила. Хлоя наклонилась ко мне и тихо спросила:

– Если не секрет, что у вас со щекой?

Видимо, я удивленно посмотрела на нее, потому что Хлоя махнула рукой, как бы говоря «ладно, проехали».

– Извините, это не мое дело, не обращайтесь внимания. Просто... когда-то у меня были отношения со скверным человеком...

– А... нет-нет! – Мне почему-то стало стыдно, как будто я плохо отзываюсь о Джуде за его спиной. – Ничего такого. Ко мне вломился грабитель.

– Seriously? – с изумлением спросила Хлоя. – Вы в этот момент были дома?

– Ага. В полиции говорят, такое случается все чаще и чаще.

– И он напал на вас? Какой ужас.

– Не совсем.

Мне не хотелось вдаваться в детали – и не только из-за неприятных воспоминаний, но и из чувства гордости. Сидящие за этим столом люди должны видеть во мне журналиста, умелого профессионала, а не напуганную жертву, съезжившуюся на полу собственной спальни.

Однако теперь история выплыла наружу – по крайней мере, бо?льшая ее часть, – и, если оставить ее без объяснений, то сочувствие Хлои, считай, было получено обманным путем.

– Это... вышло случайно. Он хлопнул дверью прямо передо мной, и та ударила меня по щеке.

Просто надо было сидеть в комнате, засунув голову под одеяло. Глупая Ло, вечно лезешь куда не просят.

– Вам следует взять уроки самообороны, – вмешался Арчер. – Я тоже с этого начинал. Служил в морской пехоте. Размер не имеет значения, даже хрупкая девушка вроде вас сможет побороть мужчину, если правильно применит силу. Давайте я вам покажу. – Он отодвинул свой стул. – Встаньте.

Я поднялась, чувствуя себя немного неловко. С невероятной проворностью Арчер схватил меня за руку и заломил ее за спину. Свободной рукой я ухватила за стол, но плечо все выворачивалось, тянуло меня назад, а мышцы вопили от напряжения. Я вскрикнула – то ли от боли, то ли от страха – и краем глаза заметила изумленный взгляд Хлои.

– Арчер! – крикнула она и продолжила еще более настойчиво: – Арчер, вы ее пугаете!

Он отпустил мою руку. Колени подрагивали, плечо болело.

– Извините, – с улыбкой сказал Арчер, придвигая свой стул обратно к столу. – Не осознаю собственной силы. Теперь вы поняли, что я имел в виду: из такого захвата трудно выбраться, даже если нападающий намного крупнее вас. Если захотите взять пару уроков...

Я попыталась засмеяться, но смех вышел натянутый и неуверенный.

– По-моему, вам нужно выпить, – напрямик заявила Хлоя. Когда Арчер отвернулся, чтобы сказать что-то официанту, она добавила: – Не обращайтесь на него внимания. Похоже, слухи о его первой жене были правдивы. Кстати, если решите замазать синяк, заглядывайте ко мне в каюту. Там целая куча всяких штучек, да и визажист из меня неплохой. Вам надо выглядеть на все сто.

– Обязательно загляну, – ответила я и выдавила улыбку, которая получилась неискренней и вымученной. Я взяла бокал и сделала глоток. – Спасибо.

После первого блюда нас поменяли местами. К моему облегчению, Арчер оказался за другим столом, а меня посадили между Тиной и Александром, которые со знанием дела обсуждали мировую кухню, переговариваясь поверх моей головы.

– Из сашими надо обязательно попробовать рыбу фугу, – поделился Александр, разглаживая салфетку поверх натянутого под смокингом пояса-кушака. – Невероятно изысканно.

– Фугу? – переспросила я, пытаюсь вклиниться в разговор. – Разве она не ужасно ядовитая?

– Именно так, и в этом как раз вся прелесть. Я не пробовал наркотики – зная собственные слабости и живя в свое удовольствие, никогда с ними не связывался, – но могу предположить, что кайф, испытываемый после поедания фугу, вызывает та же нейронная реакция. Едок поставил на кон свою жизнь и выиграл у смерти.

– Говорят, что повара высочайшего уровня, – растягивала слова Тина, – делают надрез как можно ближе к ядовитым частям рыбы и оставляют на филе самую малую долю токсина для остроты ощущений.

– Да, я о таком слышал, – подтвердил Александр. – В очень малых дозах яд действует в качестве стимулятора, хотя упомянутый метод нарезания скорее связан с высокой стоимостью самой рыбы и нежеланием повара пускать на

отходы даже самые маленькие кусочки.

– Так насколько она ядовита? – поинтересовалась я. – В смысле, сколько нужно съесть, чтобы отравиться?

– Хороший вопрос. – Александр наклонился через стол, и его глаза заблестели – ему явно нравилась эта тема. – Разные части рыбы содержат различную степень яда, но если брать самые ядовитые, а это печень, глаза и яичники, то понадобится очень и очень мало. Всего несколько граммов. Говорят, яд фугу в тысячу раз сильнее цианида. – Он положил в рот кусочек рыбного карпаччо и, пережевывая нежную мякоть, продолжил: – Ужасная, должно быть, смерть. Повар, который готовил нам фугу в Токио, с восхищением описывал этот процесс: яд парализует мышцы жертвы, но никак не влияет на разум, так что человек осознает, что его мускулы атрофируются и что ему трудно дышать. – Александр проглотил кусок рыбы, облизал влажные губы и улыбнулся. – И в итоге умирает от удушья.

Я посмотрела на тонкие ломтики сырой рыбы на своей тарелке и вдруг поняла, что почему-то – то ли из-за вина, то ли из-за живописного рассказа Александра, то ли из-за качки – я уже не так голодна. Я неохотно положила кусочек в рот и начала жевать.

– Дорогая, расскажите нам о себе, – вдруг обратилась ко мне Тина, отвернувшись от Александра. – Вы работаете с Роуэн, верно?

Тина начинала в «Велосити» еще в конце восьмидесятых, и их пути с Роуэн пересекались – та до сих пор вспоминала про Тину и ее легендарную жестокость.

– Да. – Я поспешно проглотила кусок рыбы. – Уже лет десять.

– Должно быть, она вас очень ценит, раз отправила в такой круиз. Настоящий успех, да?

Я заерзала на стуле. Что сказать? Что Роуэн ни за что не доверила бы мне эту поездку, не оказалась она на больничной койке?

– Мне очень повезло, – наконец ответила я. – Это большая честь, и Роуэн знает, что я очень хочу проявить себя.

– Что ж, мой совет – наслаждайтесь. – Тина похлопала меня по руке, и я почувствовала прикосновение ее холодных колец. – Живем всего раз, правильно?

Глава 9

Мы еще дважды менялись местами, но я так и не оказалась рядом с Буллмером, и лишь когда подали кофе и мы могли вернуться в салон Линдгрэн, у меня появился шанс заговорить с ним.

Я шла по залу с чашкой кофе в руках, стараясь сохранять равновесие на покачивающемся корабле, как вдруг меня ослепила вспышка, и я споткнулась, едва не пролив на себя напиток. Немного забрызгала подол взятого напрокат платья и белый диван, мимо которого я проходила.

– Улыбнитесь, – прошептал кто-то, и я поняла, что меня фотографирует Коул.

– Чертов идиот, – сердито сказала я. И тут же пожалела. Не хватало еще, чтобы он рассказал Роуэн о том, какая я грубая. Видимо, я напилась сильнее, чем думала. – В смысле диван, – неловко добавила я, пытаюсь скрыть свой промах. – А не вы.

Заметив мое беспокойство, он рассмеялся.

– Неплохо выкрутились. Не переживайте, я не намерен жаловаться вашему боссу. Мое самомнение не так легко пошатнуть.

– Я не... – Коул практически озвучил мои собственные мысли, и я запнулась. – Просто...

– Пустяки. Кстати, куда вы так спешили? Неслись по комнате, как охотник за хромой антилопой.

Не стоило бы признаваться, но голова так болела от усталости и выпивки, что сказать правду было легче.

– Хотела поговорить с Ричардом Буллмером. Весь вечер пыталась к нему подойти, а все не получалось.

– Значит, я помешал вам. – Коул снова улыбнулся, и я поняла, что острые резцы придают ему волчий вид, делают похожим на хищника. – Что ж, я с этим и разберусь. Буллмер!

Ричард Буллмер отвлекся от беседы с Ларсом и обвел взглядом комнату.

– Меня кто-то звал?

– Звал-звал, – ответил Коул. – Иди сюда и пообщайся с чудесной девушкой. Я неожиданно выскочил и напугал ее, надо загладить вину.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

От лат. *Aurora borealis* – северное сияние. – Здесь и далее примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/rut-ueyr/devushka-iz-kayuty-10-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)